

АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

**ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!**

ИТАЛЬЯНЕЦ

Потрясающая приключенческая история о любви, чести и войне.
Артуро Перес-Реверте — испанский Александр Дюма.

La Opinión de Málaga

Большой роман

Арту́ро Перес-Реверте
Итальянец

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Перес-Реверте А.

Итальянец / А. Перес-Реверте — «Азбука-Аттикус»,
2021 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-22108-6

«Я мечтал написать эту немыслимую и совершенно подлинную историю с тех самых пор, как мне в детстве рассказал ее отец», – говорит Артуро Перес-Реверте о романе «Итальянец», который на родине автора разошелся тиражом в несколько сотен тысяч экземпляров. Реальная история итальянских боевых пловцов, потопивших четырнадцать британских кораблей, – история торжества отдельных людей над мощной военной машиной вопреки всем вероятностям – много лет рассказывалась иначе: итальянцы традиционно изображались бестолковыми трусами, и Перес-Реверте захотел восстановить справедливость. Италия была союзницей Германии во Второй мировой войне, но это его не смущает: «В моих романах граница между героем и злодеем всегда условна. Мои персонажи могли оказаться на любой стороне. Герои всегда неоднозначны. А кто этого не понимает, пусть катится к дьяволу». Артуро Перес-Реверте – бывший военный журналист, прославленный автор блестящих исторических, военных, приключенческих романов, переведенных на сорок языков, создатель цикла о капитане Диего Алатристе, обладатель престижнейших литературных наград. Его новый роман – история личной доблести: отваги итальянских водолазов, проводивших дерзкие операции на Гибралтаре, и отваги одной испанской женщины, хозяйки книжного магазина, которая распознала в этих людях героев в классическом, книжном смысле этого слова, захотела сражаться вместе с ними и обернулась современной Навсикаей для вышедшего из мрака вод Улисса. «Итальянец» – головокружительный военный триллер, гимн Средиземноморью, невероятная история любви и бесстрашия перед лицом безнадежных обстоятельств, роман о героизме по любую сторону линии фронта. Впервые на русском!

УДК 821.134.2

ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-389-22108-6

© Перес-Реверте А., 2021

© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

1	14
2	27
3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Арту́ро Перес-Реверте

Итальянец

Arturo Pérez-Reverte

EL ITALIANO

Copyright © 2021 by Arturo Pérez-Reverte

All rights reserved

© А. К. Борисова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Потрясающая приключенческая история о любви, чести и войне. Артуро Перес-Реверте – испанский Александр Дюма

La Opinión de Málaga

Волшебство в том, что Артуро Перес-Реверте заставляет читателей вглядываться в глубины повествования, – он распахивает перед нами гобелен, сотканный из исторических фактов и ментальных координат прошлого. Это и вообще сложный трюк, но он граничит с виртуозностью, когда автор вдобавок преподносит нам жизненный и исторический урок под видом приключения, от которого невозможно оторваться.

Zenda

* * *

Пресса об Артуро Пересе-Реверте и «Итальянце»

В такие времена, во времена твиттера и вообще соцсетей, наша Испания имеет свойство делить мир на черное и белое, и в этом мире все, что от врага, – дурно, а все, что от друга, – хорошо, царит это дурацкое манихейство с четко прочерченными границами, и мне представляется, что хотя бы в гигиенических целях имеет смысл показать: все устроено по-другому. В этой истории, с фактами в руках, я хотел показать, что все не так, герой неоднозначен, добро и зло перемешаны, можно быть героем поутру и злодеем под вечер, один и тот же человек способен на что угодно, хорошее и дурное, и величие в том, чтобы признавать изъяны друга и величие врага. Таковы мои персонажи. Может, потому что я и сам таков.

Арту́ро Перес-Реверте об «Итальянце» в интервью El Español

Шпионский сюжет, в котором рокошет гром великих триллеров... средиземноморский герой и меланхолический привкус неизбежной мимолетности времени.

La Razón

Вопреки названию, в фокусе этой закрученной истории о чести, мужестве и тестостероне находится женщина. Ее невероятное приключение воссоздается в романе мастерски и с леденящими душу подробностями.

El País

Все романы Артуро Переса-Реверте взаимосвязаны и складываются в систему, которую классические авторы называли стилем, а современные – миром.

ABC Cultural

Любовь и шпионаж. Изумительный роман. Типичный Перес-Реверте, масса наслаждения.

Libros y ya

В этой книге перемешались любовь, патриотизм, война, солдаты, приключения – и она неизбежно понравится и давним поклонникам Артуро Переса-Реверте, и тем, кто до сего дня еще не открывал ни одного его романа.

Cine y Literatura

Есть книги, которые служат читателю якорем, брошенным в реальности, и одновременно подталкивают к необычайному, потому что ярче всего подлинная жизнь проявляется в малом.

El Mundo

«Итальянец» – блестящий гимн Средиземноморью.

Heraldo

«Итальянец» близок к последней трилогии Артуро Переса-Реверте – «Фалько», «Ева» и «Саботаж», – и в нем есть все то, чего читатели ждут от автора: безупречный сюжет, приключения, чувство собственного достоинства, любовь, книги, женщина, которая лучше окружающих ее мужчин, История, события, происходящие в тени, и персонажи, принявшие свою судьбу, – как в классической литературе, которая играет здесь ключевую роль.

The Objective

В «Итальянце» проявляются принципы, безусловно характерные для авторского взгляда на мир: верность, отвага, героизм... вне всяких идеологий, и невероятная мудрость, которая позволяет постичь всю сложность человека перед лицом обедняющего нас упрощенческого деления всего мира на черное и белое.

El Imparcial

У Артуро Переса-Реверте получился напряженный роман, в нем много скрытых чувств и редких человеческих достоинств, в том числе, пожалуй, неоднозначное – умение признавать мужество и благородство неприятеля.

Babelia

Перес-Реверте дарит нам радость от ловкой игры между вымыслом и историей.

The Times

Его проза пронизана трепетом иллюзии. Читая «Итальянца», я вспоминал Грэма Грина, Жоржа Сименона, Джона Конрада, Витторио Де Сикку и Роберто Росселлини.

Хосе Луис Гарси, испанский кинематографист

Артуро Перес-Реверте знает, как удержать внимание читателя и заставить его сгорать от нетерпения, пока перелистывается страница.

The New York Times

Читая Переса-Реверте, умудряешься забывать дышать.

Corriere della Sera

Он не просто великолепный рассказчик. Он мастерски владеет разными жанрами.

El Mundo

Есть такой испанский писатель, сочинения которого словно лучшие работы Спилберга, одобренные толикой Умберто Эко. Его зовут Артуро Перес-Реверте.

La Repubblica

Элегантный стиль повествования сочетается у него с прекрасным владением словом. Перес-Реверте – писатель, у которого поистине следует учиться.

La Stampa

Перес-Реверте обладает дьявольским талантом и виртуозно отточенным мастерством.

Avant-Critique

* * *

Бог Посейдон... мой корабль уничтожил...
Мне ж... от смерти спастись удалось.

Гомер. Одиссея

Кто же стал бы терпеть, коль он не солдат,
не любовник,
стужу ночную...

Овидий. Любовные элегии¹

* * *

Карлоте,

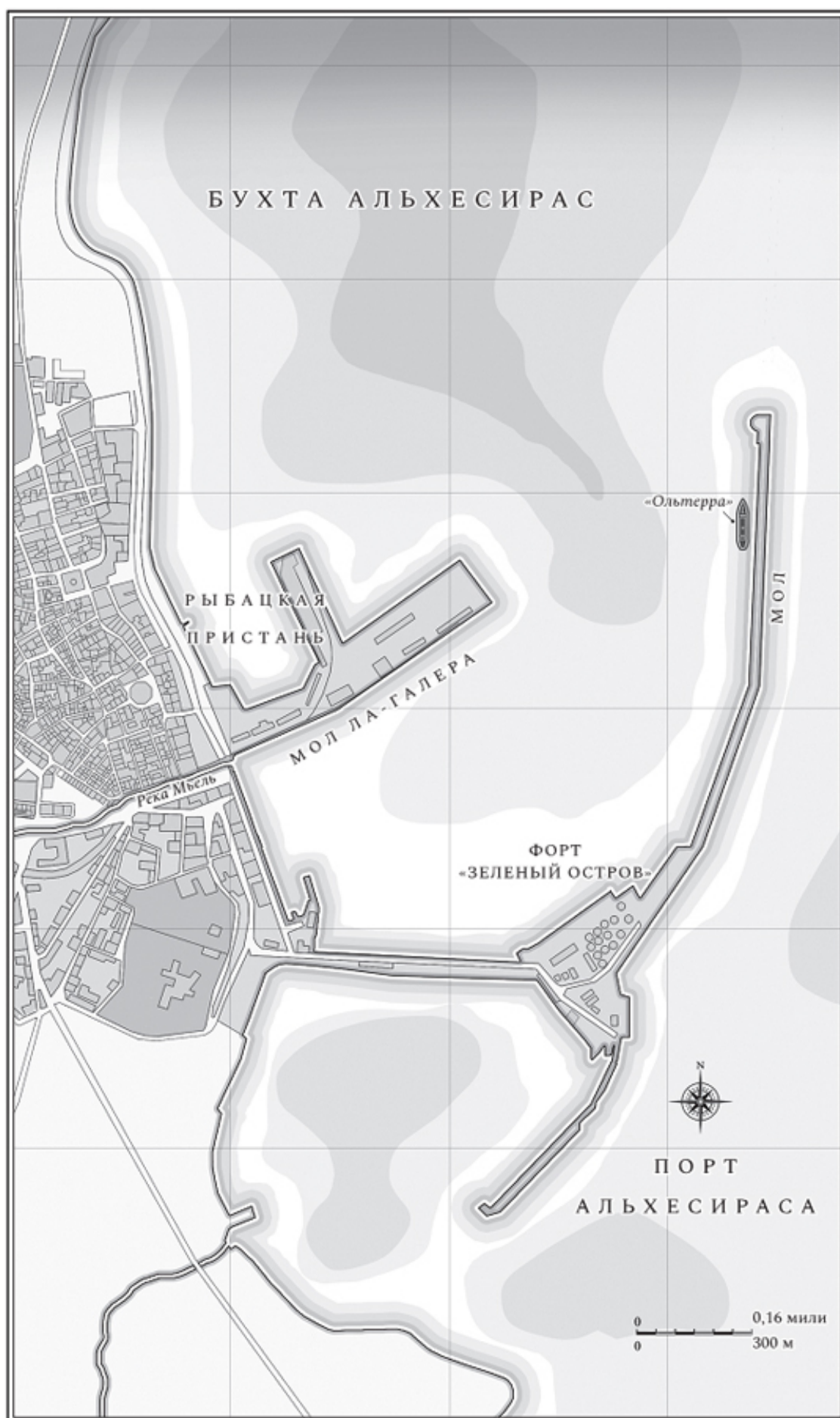

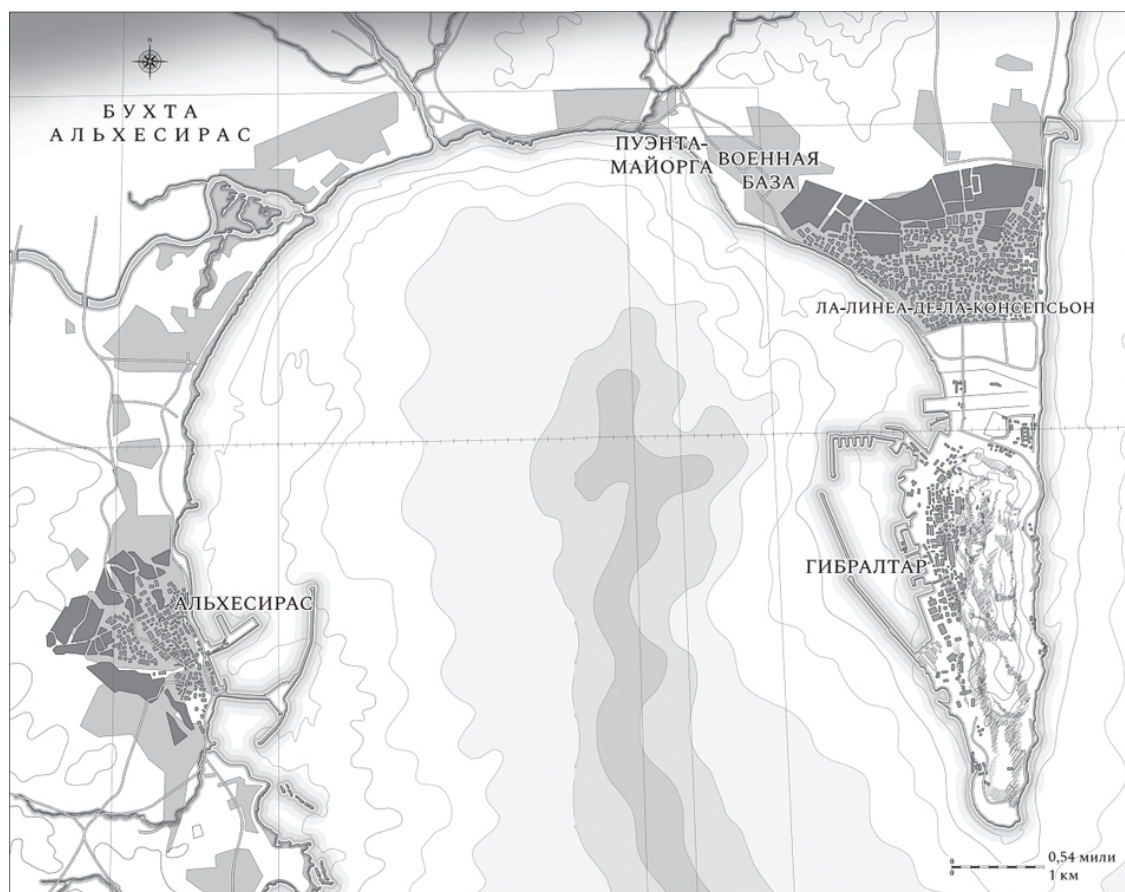
¹ В качестве эпиграфов приведены цитаты из песни 9-й «Одиссеи» Гомера (перев. В. Жуковского) и из IX элегии Публия Овидия Назона («Любовные элегии», книга I, перев. С. Шервинского). – *Здесь и далее примеч. перев.*

чей мир простирается в морских глубинах

* * *

В конце 1942-го – начале 1943 года, во время Второй мировой войны, итальянские военные водолазы потопили или повредили четырнадцать кораблей союзников на Гибралтаре, в бухте Альхесирас. Этот роман основан на реальных событиях. Только некоторые персонажи и события вымышлены.

Собака обнаружила его первая. Она бежала по берегу и вдруг, пригнувшись и виляя хвостом, тихо заворчала, остановившись около какой-то темной массы, неподвижно лежавшей на песке у самой воды, перламутровой в раннем свете дня. Солнце еще не осветило Пеньон², погруженный в темноту, тень накрывала тихое и спокойное зеркало бухты и скользила по кораблям, что стояли на якоре носовой частью к югу. На бледно-голубом небе не было ни облачка, виднелась только прямая, словно колонна, струя дыма в районе порта; должно быть, это корабль, ночью застигнутый подводной лодкой или бомбежкой, озарял огнем пожара пред-рассветную мглу.

– Ко мне, Арго!

Оказалось, на песке лежал человек. Елена убедилась в этом, когда подошла ближе, а собака тем временем носилась туда-сюда, от нее к неподвижной массе и обратно, словно предлагая разделить радость от неожиданной находки. Человек был одет в прорезиненный костюм, мокрый и блестящий. Лежал ничком – голова и туловище на песке, ноги в воде; похоже, либо он сам с трудом дополз до берега, либо его выбросило приливом. К поясу у него был прикреплен нож, на левом запястье две пары необычных больших часов, на правом еще одни. Стрелки на часах показывали семь часов сорок три минуты.

Елена опустилась на влажный песок и повернула голову лежавшего мужчины; у того были черные, коротко стриженные волосы. На груди – прорезиненная маска и непонятный аппарат с двумя металлическими цилиндрами. Из ушей и носа сочилась кровь – он наверняка был мертв. Она вспомнила о ночных взрывах, о прожекторах противовоздушной обороны, осветивших небо, о потопленном корабле и на мгновение подумала, что это, возможно, кто-то из моряков. Но тут же поняла, что этот человек взялся тут не с корабля, стоявшего на якоре, а из морских глубин. Или с небес. Либо авиатор, либо подводник. Так или иначе, немец или итальянец, из тех, кто атаковал Гибралтар вот уже два года. Демаркационная линия между Испанией и британской колонией пролегла в трех километрах и шла по суше с запада на восток.

Надо сообщить в гражданскую гвардию, подумала Елена, – ближайший пост находился немного вглубь от берега, на территории военной базы, – и вдруг поняла, что человек дышит. Она снова наклонилась к нему, приложила пальцы к его губам, к артерии на шее и почувствовала слабое дыхание и едва уловимое биение пульса. Она растерянно огляделась в поисках помощи. Вокруг было пустынно: с одной стороны береговая линия изгибалась до самого города Ла-Линеа и границы, а с другой, вдалеке, виднелись беспорядочно разбросанные хижины рыбаков поселка Пуэнте-Майорга, трудившихся в этот час в водах бухты. Ни души. Ближайшее жилище – ее собственное, в сотне шагов по берегу: небольшой одноэтажный дом в окружении пальм и бугенвиллей.

Елена решила перетащить мужчину туда и попытаться спасти, прежде чем сообщать властям. И это решение изменило всю ее жизнь.

---

² Пеньон – Гибралтарская скала (исп.), она же Джебель-эт-Тарик, на южной оконечности мыса Гибралтар.

1

Венецианская загадка

Книжный магазин назывался «Ольтерра», и мне следовало обратить на это внимание, однако зимой 1981 года я, как и многие другие, ничего не знал о том, какая за этим скрывается тайна.

Я случайно задержался перед витриной, когда шел по улице Корфу, между Академия и Салюте, поскольку мое внимание привлекла одна книга. Она называлась «Гондола», автор Каргасакки. Было представлено два экземпляра, причем один открыт на странице с подробным планом этой лодки. Меня всегда интересовало устройство морских судов, так что я вошел в магазин, хорошо обустроенный, хоть и маленький, с бутановым обогревателем и большим окном в задней стене, выходившим на канал с обшарпанными стенами и полустгнившими от воды дверями. Распоряжалась там сеньора почтенных лет; у нее было приветливое лицо, седые волосы собраны на затылке, и она что-то читала, сидя на стуле; ее плечи покрывала элегантная шаль. У ее ног на коврик дремал лабрадор. Мы поздоровались, я спросил про книгу, и она принесла мне один из выставленных экземпляров. Я его немного полистал, потом отложил, чтобы купить, и стал смотреть другие издания. О кораблестроении было много всего, так что я погрузился в материал. В какой-то момент я вдруг заметил фотографии на стене.

Их было две, в рамках и под стеклом. Черно-белые. На той, что поменьше, – пара средних лет, и оба улыбались на камеру: мужчина, немолодой, но весьма привлекательный, обнимал женщину за талию. Достаточно взглянуть, и сразу понятно, что женщина на фото – хозяйка книжной лавки, только лет на десять-пятнадцать моложе. На другой фотографии, большего размера, но худшего качества и более старой, я увидел двоих мужчин: на одном морской китель и форменный берет, на другом шорты и футболка, и оба стояли на палубе подводной лодки, рядом с торпедой не совсем обычного вида. Оба улыбались, а тот, что в шортах, напоминал мужчину с первой фотографии, только гораздо моложе. Его легко было узнать по необыкновенно обаятельной улыбке, и волосы у него были такие же черные и коротко остриженные, только на первой фотографии уже не такие густые и с проседью.

Хозяйку книжного магазина удивило любопытство, с которым я рассматривал эти снимки, и, обернувшись, я увидел, что она смотрит на меня.

– Интересно, – проговорил я, скорее просто из вежливости.

– Вы испанец?

– Да.

Она не призналась, что тоже испанка, – по крайней мере, тогда она этого не сказала. И в тот момент я этого не знал. Поначалу она показалась мне типичной венецианкой. Мы говорили по-итальянски и сменили язык общения не сразу.

– Почему вас это заинтересовало? – спросила она.

Я указал на фото, где двое мужчин стояли рядом с торпедой.

– *Майале*, – сказал я.

Она посмотрела на меня с любопытством, слегка удивленная:

– Вы знаете, что такое майале?

– Я только что видел одну в Морском музее, рядом с Арсеналом.

Но было не только это. Я читал книгу о майале и видел фотографии: Вторая мировая война, торпеды, управляемые человеком, со взрывателем в носовой части, подводные лодки, атакующие Александрию и Гибралтар. Война, сокрытая умолчанием.

– Вы интересуетесь этим вопросом?

– В общем, да.

Она продолжала задумчиво смотреть на меня, потом поднялась со стула и направилась к какому-то стеллажу. В это время собака-лабрадорша тоже встала, обошла меня кругом и равнодушно вернулась на свое место. Хозяйка принесла два больших тома. Одна книга называлась «Время убывающей Луны». Название другой мне тоже ничего не говорило: «Десятая флотилия MAS»³. Обложки приоткрывали содержание. На одной был изображен водолаз, снимающий с подводной лодки маскировочную сетку; на другой – двое мужчин, наполовину скрытые водой, плыли на такой же управляемой торпедой.

Я отложил обе книги к изданию о гондолах. И снова стал рассматривать фотографии на стене.

– Красивый мужчина, – сказал я.

Она смотрела не на фотографии, а на меня, словно прикидывая, насколько мне удалось установить связь между нею и фотографиями. И едва заметно кивнула.

– Он и правда был таким, – сказала она по-испански.

Меня удивило ее безупречное произношение.

– Простите... Мы с вами соотечественники?

– Были ими когда-то.

Прошедшее время меня заинтриговало.

– Давно вы здесь?

– Тридцать пять лет.

– Теперь понимаю. А кажется, что вы родились в Италии.

– Это долгая история.

Я снова взглянул на фото. На мужчину, обнимавшего эту женщину за талию.

– Он жив?

– Нет.

– Соболезную.

Она промолчала. Потом медленно подняла руку и поправила волосы на затылке изящным движением, показавшимся мне почти кокетливым. Затем она обратила взгляд на фотографии, нежно улыбнулась, и от этой улыбки морщины на ее лице разгладились – она даже помолодела.

– Его не стало пять лет назад, – сказала она.

Я указал пальцем на обложку одной из книг, потом перевел взгляд на мужчину, стоявшего у торпеды майале:

– Он один из тех?

Слова не прозвучали как вопрос; да они и не были вопросом. Женщина кивнула:

– Он им был.

Она произнесла это очень мягко и в то же время решительно. И еще я уловил в ее словах некую гордость. Возможно, даже вызов. Я вспомнил название книжного магазина.

– Что означает «Ольтерра»?

Она снова улыбнулась. Стояла неподвижно, не отрывая взгляда от фотографий. Наконец пожала плечами, словно собиралась подтвердить нечто совершенно очевидное.

– Оно означает храбрых мужчин, – ответила она. – Во время убывающей луны.

Через пятнадцать минут я покинул магазин с тремя книгами в сумке и неторопливо дошел до канала Джудекка. Был один из тех дней венецианской зимы, когда, несмотря на холод, небо над лагуной чистое, так что я прогулялся по набережной Дзаттере, наслаждаясь солнцем. Достиг здания Таможни – там в это время почти не было прохожих, – сел на тротуар, прислонившись спиной к стене, и стал листать книги. Тогда я еще не был писателем и не собирался.

---

³ Десятая флотилия MAS – разведывательное и диверсионное подразделение Королевских военно-морских сил Италии во время Второй мировой войны; MAS – штурмовые средства (Mezzi d'Assalto) или вооруженные торпедные катера (Motoscafo Armato Silurante).

Я был молодым журналистом, делал репортажи во время частых поездок и любил истории про море и моряков. И я был в отпуске. Я и не подозревал, что мое чтение – начало многих других книг и долгих бесед. Начало сложного исследования драматических событий в жизни персонажей и приобщения к их тайне; зарождение романа, который будет написан через сорок лет.

Прошло два месяца, но Елена Арбуэс узнала его сразу.

Он сидит в баре «Европа» в Альхесирасе за столиком у входа и разговаривает с двумя другими мужчинами: загорелый, в темных очках, белая рубашка с закатанными рукавами, синие брюки с кожаным ремнем и альпаргаты⁴. Он оживлен и часто улыбается. За время той короткой и единственной встречи Елене не пришлось увидеть выражение радости на его лице, теперь же открытая и обаятельная улыбка озаряет его смуглое лицо южанина; он чрезвычайно привлекателен, как почти все мужчины Средиземноморья, – она знает, что он итальянец, хотя он мог быть испанцем, греком или турком. Типичный представитель юга, рожденный на берегах какого-нибудь острова, где нет ни деревьев, ни воды, а есть оливковое масло, красное вино, розоватые отблески заката, теплые глубины моря и мудрые усталые боги. Она смотрит на него, и все это проносится в ее памяти. Он очень красивый мужчина. Сейчас даже лучше, чем в тот день, когда она нашла его, бледного и окровавленного. Как и тогда, волосы коротко острижены; она вспоминает, как тащила его с берега к себе в дом, как он лежал на полу в ее маленькой гостиной с видом на бухту, – он был без сознания, весь в песке, – и как Арго лизала ему сморщенные руки и лицо, побелевшие от долгого пребывания в воде.

Она даже знает, как его зовут. Если, конечно, это его настоящее имя; она прочтала его в удостоверении, которое нашла завернутым в клеенку, когда портновскими ножницами разрежала верхнюю часть резинового костюма: «Ломбардо, Тезео. Главный старшина Королевских военно-морских сил, № 355.876». Под непромокаемым костюмом на нем был серо-голубой комбинезон из тонкой шерсти со звездочкой на каждом лацкане и с тремя нашивками-треугольниками на рукавах. Итальянский морской флот, вне всякого сомнения. Он явился сюда из моря, наверняка с подводной лодки, чтобы напасть на корабли, стоявшие на якоре в порту Гибралтара и на севере бухты. Человек-лягушка. Военный водолаз.

В то раннее утро Елена плохо представляла себе, что делать, и потому импровизировала на ходу. Она стащила с него прорезиненный костюм и растегнула комбинезон, чтобы проверить, не ранен ли он, растерла ему грудь и плечи спиртом, чтобы он согрелся, и промокнула кровь на ушах и на носу. Причиной, скорее всего, было не ранение, а удар по голове, хотя ни одной гематомы видно не было. Она вспомнила, что ночью слышала грохот взрыва – сгорел корабль, – и пришла к выводу, что у этого человека случилось внутреннее кровоизлияние. Возможно, от взрывной волны, принесенной морем. А может, взорвалась одна из его собственных мин.

Так или иначе, мужчина пришел в сознание. Елена закрыла пузырек со спиртом, а снова обернувшись, увидела, что мужчина открыл глаза – зеленые, взгляд помутневший, а в уголках покраснели кровяные прожилки. Когда она сказала, что пойдет поискать врача, он пристально взгляделся в нее, словно не понимая, о чем она говорит, или не понимая ее языка, и потом медленно покачал головой. Ей пришлось наклониться, чтобы расслышать, что он пытается сказать: какое-то слово и цифры, которые он произносил тихо и с трудом. Телефон, пожалуйста. Вот что он говорил. Пожалуйста. Говорил по-испански, с легким итальянским акцентом. Телефон, повторил он, и номер, 3568. И снова впал в забытие.

Сейчас, сидя в баре на углу переулка Риц и площади Альта, затерявшись среди людей, что наводнили центр города, она наблюдает за этим человеком издали, внимательно вглядываясь в детали, и вспоминает, как тогда пятнадцать минут бежала до переговорного пункта на

---

⁴ Альпаргаты – легкая летняя обувь из пеньки.

военной базе, пока там не появились военные. Она просунула в щель блестящую монетку, и тут тень последних двух лет одиночества и ожесточения накрыла ее; она колебалась, прежде чем набрать номер, глядя через окно на плакат, прикрепленный к дверям гражданской гвардии: ВСЕ ДЛЯ РОДИНЫ. Прошлое было еще совсем свежо и больно ударило неопределенностью настоящего. Наконец она решилась: три, пять, шесть, восемь. На другом конце отозвался мужской голос – по-испански, без всякого акцента. Тезео Ломбардо, сказала она. Последовало молчание. Кто говорит? – спросил голос. Да какая разница, кто говорит? – ответила она. Потом назвала свой адрес, повесила трубку и вернулась домой.

Елена неподвижно стоит на углу, не отрывая взгляда от мужчины, который ее не замечает; Елена делает вид, что ее заинтересовала витрина обувного магазина, где она видит против света собственное отражение на темном фоне улицы: легкое летнее платье с поясом, сумка, которую она держит в обеих руках, каштановые волосы коротко острижены и слегка завиты по моде. Она еще молода и хорошо выглядит, стройная, почти худая, может, слишком высокая для типичной испанки – метр семьдесят шесть сантиметров без каблуков: Мария Елена Арбуэс Ортис, двадцать семь лет, вот уже два года вдова. Владелица книжного магазина «Цирцея», что находится на улице Реаль в городе Ла-Линеа-де-ла-Консепсьон.

Трое мужчин встают из-за стола и, смешавшись с толпой на площади, направляются к улице Кановас-дель-Кастильо. Они в рубашках с закатанными рукавами, выглядят весело и раскованно – так и кажется, что они из одной семьи. Непринужденно беседуя, они идут к порту. Елена уже готова оставить их и заняться своими делами – она приехала в город на автобусе, чтобы уладить кое-какие бюрократические вопросы, – однако в последний момент поддается порыву. Любопытство не отпускало ее с того самого утра на пляже и дома, в Пуэнте-Майорга. Ей хотелось узнать больше о незнакомце, в судьбе которого два месяца назад она принимала участие целых полтора часа; он не подавал о себе никаких вестей, но она никак не могла его забыть.

Когда она вернулась домой с переговорного пункта, мужчина уже был в сознании и находился под неусыпным надзором Арго, которая лежала рядом, а теперь вскочила и радостно бросилась хозяйке навстречу. Мужчина так и лежал на полу, на коврик, испачканном песком, укрытый одеялами; под голову ему Елена пристроила подушку. Рядом валялись остатки прорезиненного костюма и своеобразные часы со светящимися циферблатами; Елена сняла их с его запястий, когда растирала ему спиртом руки. Но она заметила, что нож, который перед уходом она отложила в сторону, подальше от других вещей, снова оказался около него, справа, на расстоянии вытянутой руки. Обнаженное лезвие на рукоятке из черного дерева ярко сверкало в утреннем свете, проникавшем через окно на юг бухты, и отражало профиль несчастного и необычного гостя.

– Я передала, – сказала Елена, глядя собаку.

Казалось, тревога в глазах лежавшего на полу человека немного унялась. Он пристально всматривался в Елену, внимательно изучая ее лицо и каждое движение. Недоверие постепенно отступало.

– Не знаю только кому, – добавила она. – Но я это сделала.

Мужчина медленно кивнул, не отрывая от нее взгляда.

– Спасибо, – глухо сказал он наконец; он все еще был очень слаб.

Она стояла перед ним в нерешительности. Не знала, что делать дальше. Ситуация была странная и нелепая.

– Кто бы они ни были, – ответила она, – надеюсь, они скоро будут здесь.

Он снова кивнул и часто заморгал, словно сдерживая стон. Должно быть, ему очень плохо, подумала она. Изможденный, больной и беспомощный, хотя и сильный мужчина с торсом атлета. Растирая ему грудь, она обратила внимание на его крепкие мускулы пловца. Глаза у

него все еще были в красных прожилках, но из ушей и носа кровь больше не шла. Елена снова подумала о горящей нефти и том, что ей известно о взрывной волне на морской глубине. Не кто иной, как Самуэль Сокас, доктор Сокас, несколько дней назад беседовал с приятелями в «Англо-испанском кафе» как раз об этом: о войне, минах и кораблях. Взрыв подводной лодки, даже если он произошел на большом расстоянии, может вывернуть наизнанку человеческий организм.

– Больше вы никому ничего не передали?

Мужчина – итальянец, никакого сомнения, – хорошо говорил по-испански, с легким акцентом. Тон его был недоверчивый, словно его тревожила какая-то неотвязная мысль. Елена успокоила его, покачав головой, скрестила руки на груди и с упреком взглянула на обнаженное лезвие ножа.

– Пока нет.

Она подчеркнула слово «пока», а он снова заморгал, смутившись от собственного вопроса и от ее ответа, потом взглянул на собаку, протянул руку к ножу и накрыл его краем одеяла, будто стесняясь, что оставил на виду.

– Простите, – прошептал он.

Звучало искренне. Теперь, когда нож был спрятан, мужчина казался еще беспомощнее. Елена указала на бутылку вина из Малаги, стоявшую на полке потухшего камина:

– Может, от этого вам немного полегчает.

Он кивнул, и она протянула ему стакан, заполненный на треть. Опустилась на колени и поднесла стакан к его губам. Он сделал три небольших глотка и закашлялся. Елена рассматривала нашивки на рукавах его комбинезона.

– Главный старшина Королевских военно-морских сил? – сказала она, указав на карман, куда снова положила его воинское удостоверение.

– Младший офицерский чин.

– Тезео, так вас зовут? Тезео Ломбардо?

Она увидела, что он, услышав свое имя, на секунду замялся. Потом, кажется, что-то вспомнил и, успокоившись, понял вопрос.

– Да, – сказал он.

– Что вы сделали? Откуда вы явились?

Он не ответил. Но смотрел ей в глаза не отрываясь.

– Почему вы мне помогаете? – спросил он в свою очередь.

Елена пожала плечами. На этот вопрос было нелегко ответить. Даже самой себе.

– Вы ранены, – наконец проговорила она, – значит, нуждаетесь в помощи.

Он продолжал смотреть на нее испытующе, ожидая услышать что-то еще. Она покачала головой, поднялась и поставила стакан на полку.

– Сама не знаю, – добавила она, хотя это было не совсем так.

В этот момент Арго подняла голову и тихонько заворчала, подавая сигнал тревоги. Тут же послышался шум мотора, перед домом остановилась машина, в дверь постучали, и итальянец исчез из жизни Елены.

Так все и было шестьдесят четыре дня назад. Воспоминания кружатся в памяти, Елену подстегивает любопытство – сердце колотится так сильно, словно вот-вот остановится, чтобы наконец успокоиться; она идет за тремя мужчинами, стараясь, чтобы они ее не заметили. Она крайне осторожно соблюдает дистанцию; в этот час центр города похож на человеческий муравейник, и затеряться в толпе не трудно. Она видит, как они заходят в табачный киоск и в аптеку, а затем в бакалейную лавку, откуда выходят, нагруженные пакетами из украшенной блестками бумаги. Если они покупают товары по карточкам, думает она, то останутся без карточек. Хотя, возможно, иностранцам они и не нужны.

Она следует за ними. Не похоже, что у них есть какие-то тайны или что они ведут подпольную жизнь: они оживленно беседуют, держатся свободно и, судя по всему, пребывают в благостном расположении духа. Дважды Елена видит, как человек, которого она спасла в Пуэнте-Майорга, смеется. Так они подходят к порту, где среди навесов и подъемных кранов к пристани пришвартованы суда под самыми разными флагами. Не доходя до территории порта, они сворачивают к небольшой пристани на реке Мбель и садятся в моторную лодку, а Елена неподвижно стоит на молу и смотрит на них. Она видит, как лодка выходит из гавани и направляется к внешнему молу, у дальнего края которого стоит на якоре большое судно с черным корпусом и высокой трубой на корме, похожее на нефтяную цистерну. Другие суда стоят далеко в стороне. А в семи километрах отсюда по прямой, на другом краю бухты, смутно виднеется темная громада Пеньона – очертания слегка размыты в палящих лучах полуденного солнца.

Оттуда, где остается Елена, ей удастся различить итальянский флаг, развевающийся на западном ветру. Она знает название судна, потому что видела его раньше, – оно написано на носу белыми буквами, – когда плавала на пароме из Ла-Линеа на Гибралтар и обратно. Раньше это судно стояло у самого берега в Пуэнте-Майорга – его посадил на мель сам экипаж, чтобы не захватили британцы. Судно называется «Ольтерра».

Расположенное напротив Торговой палаты Ла-Линеа «Англо-испанское кафе» сохраняет стиль старых времен: деревянные столики, покрытые мрамором, зеркала, газовые горелки, которые никто не зажигает, и афиша боя быков с именами матадоров: Марсьяль Лаланда, Доминго Ортега и Моренито де Талавера. Деревянные половицы скрипят, на занавесках пыль, но широкие окна дают много света и открывают взорам оживленное движение пешеходов и машин на улице Реаль. Пару раз в неделю Елена Арбуэс появляется здесь, чтобы выпить чашечку чего-то похожего на кофе и поболтать с приятелями: доктором Сокасом и Пепе Альхараке, архивариусом городской управы. Иногда к ним присоединяется Назарет Кастехон, которая работает в городской библиотеке. Они начали собираться в этом кафе года полтора назад, как раз когда Елена открыла свой книжный магазин.

– Я с тобой не согласен, доктор.

– Я бы удивился, если бы ты был согласен, мой уважаемый друг.

Пепе Альхараке указательным пальцем перелистывает страницы газеты «Хроника Гибралтара» на столике и откидывается на спинку стула. Он светлый блондин, почти альбинос. У него вислые усы, он худощавого телосложения, и его можно было бы принять за скандинава, если бы не андалузский акцент.

– Смертная казнь – это не только наказание, но и предостережение для других, – категорически утверждает он. – Особенно в наше время. Это говорит тебе испанский патриот, который ненавидит англичан.

– И чиновник, – смеется Самуэль Сокас. – Патриот и муниципальный чиновник.

– Ну и ладно... Это синонимы.

Доктор качает головой и размешивает в чашке эрзац-кофе. Он только что провел у себя в доме частную консультацию, какие он три раза в неделю чередует с работой в Колониальном госпитале Гибралтара.

– За последние годы устраивают слишком много подобных наказаний. – Доктор бросает взгляд на официанта, занятого своими делами, и понижает голос: – Есть другие методы, менее варварские.

Альхараке поднимает руки, показывая таким образом свое бессилие в этом вопросе.

– Ах вот что... Сейчас жестокие времена, как известно. Каковы времена, таковы и методы. Человек никогда ничему не научится.

Доктора это не убеждает.

– Так или иначе, не важно, мир или война, но казнить испанского портового рабочего, отца семейства, по обвинению в саботаже – это слишком.

– Я ведь не тот, кто будет защищать вероломный Альбион, так ведь? Это ясно. Но этот человек, немецкий агент, собирался подложить бомбу в Арсенале.

Доктор явно сомневается. Он худой, лысый, близорукий, и единственное пятно на его безупречном облике – два желтых от никотина пальца левой руки. Он всегда свежевыбрит и благоухает лосьоном, словно только что вышел из парикмахерской. Он носит очки в стальной оправе, и белоснежные воротнички его рубашек всегда украшены яркими галстуками-бабочками.

– Так говорят, – отвечает он недоверчиво. – Но мы не знаем, так ли это на самом деле.

– В любом случае считается, что это доказано. И заметь, я не оспариваю патриотизм его поступка и как человек, симпатизирующий Рейху, готов ему аплодировать... Но того, кто это делает, ждет расплата. Это более чем естественно. Сыны предательского Альбиона не намерены шутить.

– Так-то оно так, но намерения – это еще не поступки.

Альхараке поворачивается к Елене, которая рассеянно листает журнал «Белое и черное».

– А ты как думаешь?.. Ты сегодня что-то все молчишь.

– Я слушаю, – отвечает она. – А думаю я о саботажах.

– И тебе тоже кажется естественным, что, если человека поймали с поличным, он заслуживает смертной казни?

– Полагаю, что солдат и саботажник – это не одно и то же.

– Что ты имеешь в виду?

Она медлит с ответом, раздумывая о встрече, произошедшей утром в Альхесирасе. О троих мужчинах, за которыми она следовала до самого порта.

– Я говорю о немцах и итальянцах, – произносит она. – О настоящих врагах Англии.

– А-а, тогда ясно. Это другое дело. Если солдаты сражаются за свою отчизну, тогда это объявленная война. Их не в чем упрекнуть.

– Но шпионов вешают, так ведь?

– Именно для этого существует военная форма, – вмешивается Сокас, доставая из кармана коробочку тонких гаванских сигар «Пантер». – Тот, кто в форме, находится под защитой Женевской конвенции. А тот, кто ее не носит и скрывается за вражескими знаками отличия, или, допустим, наемник из страны, не участвующей в войне, тот заслуживает петли или расстрела.

– Это не одно и то же: служить своей стране или предавать ее, действуя под чужим именем, – замечает Альхараке. – Ни один цивилизованный человек не будет казнить военнопленного.

Доктор выпускает струю дыма, снисходительно смотрит на собеседника и с укором говорит:

– Да ладно, Пепе, в Испании... – Он снова украдкой взглядывает на официанта, по-прежнему не обращающего на них внимания, и еще понижает голос: – Здесь ведь тоже казнят людей?.. Ну, ты меня понимаешь.

Архивариус приканчивает свой кофе и запивает его водой.

– Послушай, гражданская война – это совсем другое. Дикость, доведенная до крайности. Здесь нет правил.

– И ты говоришь это мне, после всего, чего я нахлебался в Вильядьего?

Елена знает, что у Самуэля Сокаса есть причины так говорить. Вынужденный искать убежища на Гибралтаре за свои либеральные идеи – он был членом масонской ложи, это известно, хотя никогда не обсуждается, – он смог вернуться и жить так, чтобы власти к нему не цепля-

лись, только когда влиятельные люди, преданные режиму, поручились за него по обе стороны решетки.

– Вот увидите: то, что произошло с этим несчастным, – не последний случай, – упорствует Альхараке. – Область кишит шпионами, саботажниками, агентами обеих сторон... Мы находимся в эпицентре урагана.

– А наши власти закрывают на это глаза, – с грустью замечает Сокас.

– Не всегда, заметь. У Испании позиция слабая. Войну выигрывают немцы. Сейчас положение неопределенное; а Франко – феномен, он знай ходит по краю и делает вид, что все в порядке. Это не первый раз, когда гвардейцы задерживают нацистских или фашистских агентов и потом их отсюда высылают.

– Однажды я видел водолаза, – говорит Сокас. – Месяца два назад, я рассказывал.

– Того самого, во время последней атаки на Гибралтар?

– Именно. Он был в госпитале, потом труп увезли.

– Итальянец, я вам говорил. Про него и в газетах писали.

– Кажется, он с подводной лодки, которая осталась в бухте. Обычно водолазов должно быть больше, но обнаружили только одного... Они потопили нефтяной танкер – он назывался «Слиго» или что-то в этом роде. Помнишь, Елена? Недалеко от твоего дома.

Девушка, продолжая рассматривать журнал, ничем не выдает своего волнения.

– Такое не забудешь, – говорит она как можно более естественно. – Там ничего не осталось. Ни от этого судна, ни от других.

– Если его взяли живым, то должны были расстрелять за саботаж, – замечает Альхараке. – Англичане – народ жестокий, и вообще, все они козлы.

– Не думаю, что его расстреляли, – возражает Сокас. – Он солдат, в конце концов... Да, они люди жестокие, но правила уважают.

Архивариус становится серьезным и бросает взгляд на Елену.

– Они уважают только свои правила и только те, которые устраивают их самих.

С этим Сокас, пожалуй, согласен; он тоже смотрит на девушку, и взгляд у него сокрушенный, извиняющийся.

– Прости меня, Елена. Я не хотел.

– Ничего, – говорит она, радуясь, что они сменили тему. – Не беспокойся, доктор.

– Я болван.

– Забудь, прошу тебя.

Повисло короткое, неловкое молчание. Альхараке просматривает «Хронику Гибралтара», а доктор, все еще недовольный собой, поправляет галстук-бабочку. Елену, как и многих других замужних женщин, сделали вдовой англичане – около двух лет назад, при Масальки-вире; Франция только что сдалась нацистской Германии, и англичане внезапно атаковали средиземноморскую французскую эскадру, чтобы она не попала в руки врага. Несколько неверных пушечных залпов – и восемь погибших испанских моряков.

Наконец, чтобы разрядить обстановку, снова заговаривает Сокас:

– Но в случае с мертвым итальянцем никто не может упрекнуть англичан, так?.. И там и там солдаты, и те и другие убивают и умирают. И каждый из них выполняет свой долг.

– Я все-таки больше уважаю тех, кто воюет за страны Оси, – настаивает Альхараке. – Вы же знаете, я германофил и итальянофил.

Сокас над ним подшучивает:

– Звучит как название венерической болезни, Пепе. Как-нибудь на днях приходи ко мне на консультацию.

Тот искоса смотрит на Елену, задетый.

– Не смешно, приятель.

Та едва обращает на них внимание – она занята своей историей, вспоминает, как потеряла мужа, старшего офицера испанского торгового судна «Монтеарагон», в тот самый день, 3 июля 1940 года: нейтральное судно оказалось не в том месте и не в то время из-за дипломатической ошибки британцев – *very serious and terrible mistake*⁵; затем было возмещение убытков семьям погибших, косвенно пострадавшим от случайного жертвоприношения; впрочем, подобные случаи скоро стали обычным делом. Восемьсот фунтов стерлингов позволили Елене открыть книжную лавку, что давало ей средства на жизнь. И ей еще повезло. В последнее время подобные «ошибки» британцев и разных других людей уже не казались ужасными. И никому ничего не возмещали.

– Нужно быть очень смелым, правда? – вдруг говорит она. – Бросаться ночью в воду и вот так играть с морем.

– Смелость – не то, чем славятся итальянцы, – замечает Альхараке.

Сокас выпускает колечко дыма и в знак возражения поднимает указательный палец.

– Смелчаки есть везде. Это вопрос мотивации.

– Тот водолаз, что погиб, наверняка был мотивирован.

– Ничего удивительного... В северной части бухты Альхесирас дюжина торговых судов, а в порту силы Королевского флота – это лакомый кусок для храбрецов.

– Пусть так, – замечает Альхараке, – англичане изо всех сил держат контроль: противолодочные сети, морские патрули, прожекторы и прочее в этом роде... Сейчас все больше атакуют с воздуха, а на море – ничего.

Елена задумчиво соглашается.

– Да, – тихо говорит она. – На море – ничего.

Курро, служащий книжной лавки, барабанит в окно – хочет отдать Елене ключи. Она смотрит на часы – половина восьмого. Она прощается с друзьями – сегодня расходы оплачивает Альхараке – и выходит на улицу. Курро – долговязый юноша в очках, учится на бакалавра, потерял три пальца на руке в Гражданскую войну, в бою при Пеньярройе. Ему двадцать три года, и он вполне заслуживает доверия. Дважды в неделю Елена отпускает его на полчаса раньше: он учит английский язык в вечерней школе.

– Я открыл ящик с новыми поступлениями из «Эспаса-Кальпе», донья Елена... Пришли три книги Фернандеса Флореса, пять Стефана Цвейга и последний том «Приключений Гильермо»⁶.

– Очень хорошо.

– И я продал «Волшебную гору», которая у нас еще оставалась. Надо закупить несколько экземпляров.

– Понятно... Я займусь этим завтра.

– Уже темнеет, так что я оставил свет в витрине.

– Я погашу, не беспокойся. Доброй ночи.

– Доброй ночи.

Книжная лавка совсем близко, рядом с магазином тканей «Шотландка». Елена кивает встречным прохожим, которых она знает, и продавцам, опускающим металлические жалюзи. Двое соседей разговаривают с помощником фармацевта у дверей аптеки, хозяин лавки морепродуктов убирает товар, разложенный на улице, тут же играют дети, а женщины болтают, сидя на плетенных из камыша стульях, в ожидании своих мужчин, которые возвращаются с Гибралтара с пустыми судками под мышкой и несколькими песетами в кармане. Те немногие

---

⁵ Очень серьезная и ужасная ошибка (англ.).

⁶ Под названием «Приключения Гильермо» на испанском в 1935 году вышел сборник детских рассказов английской писательницы Ричмал Кромптон «Просто Уильям» (*Just William*, 1922).

фонари, что есть, погашены, и сегодня их уже не зажгут. Постепенно заканчивается день, все как обычно: фиолетовые отблески неба окрашивают террасы домов, сумеречный свет растягивает и удлиняет тени.

– Доброй ночи, Луис... Пока, донья Эсперанса.

– Доброй ночи, Еленита, дочка. Хорошего отдыха.

Прежде чем войти в лавку, она с удовольствием оглядывает витрину, освещенную лампочками в двадцать ватт: скромная, как и само помещение, она представляет взорам около двадцати изданий, которые заботливо и продуманно выбирала сама Елена, сочетая книги для легкого чтения с другими, менее востребованными, так что Бароха, Ремарк или Вики Баум⁷ соседствуют с Гомером и Монтенем. Верхняя часть витрины посвящена «Звездной коллекции»: «Дон Жуан» Мараньона, «Записки» Юлия Цезаря и «Биография Карла Пятого» Уиндема Льюиса; ниже на самом виду располагаются детективы и приключенческая литература с иллюстрациями и в ярких обложках, из «Золотой библиотеки»: Сальгари, Зейн Грей, Филлипс Оппенгейм, Эдгар Уоллес, а на особом месте последняя книга Хосе Мария Пемана «Рай и змея»⁸, а также переиздание «Тайны „Голубого поезда“» Агаты Кристи, которое очень хорошо продается. Внутри имеется небольшая секция литературы на английском языке, которой часто пользуется британский персонал военной базы Пеньона, особенно военные, когда оказываются по эту сторону границы.

Войдя внутрь, Елена забирает из кассы выручку – пятьдесят семь песет, не так уж плохо – и кладет деньги в сумку. Она оглядывается, убеждается, что все в порядке, пол подметен, газеты сложены на столике, книги стоят на своих местах; она задерживает взгляд на литографии, что висит на стенке маленького кабинета в глубине, рядом с дверью на склад, невидимой с улицы: полуобнаженный Улисс, потерпевший кораблекрушение, выходит из моря, а Навсикая и ее прислужницы, волнуясь, мечутся на берегу. Изображение, которое Елена видит каждый день, сегодня действует на нее необычайно, открывается по-новому; затем она гасит свет, поворачивает ключ в замке, отвязывает цепь велосипеда у дверей – женская модель без горизонтальной рамы, – соединяет динамо-машину с колесом, чтобы зажглась маленькая фара, и удаляется, крутя педали, в сторону бухты.

К собственному удивлению и неудовольствию, Елена, пока едет три километра до своего дома, никак не может отделаться от мыслей о Навсикае и Улиссе. Даже близость моря не помогает: от волнореза Сан-Фелипе дорога идет по длинной дуге вдоль бухты, до самого края, где ясно видны далекие огни Альхесираса. По контрасту, на другом краю, за темными очертаниями кораблей, дремлющих на рейде с погашенными огнями, на фоне фиолетовых сумерек, виднеется огромная черная масса Пеньона, словно тень необитаемой и безжизненной скалы; впрочем, даже ошестившись противоздушными батареями, имея в своем распоряжении двадцать тысяч британских солдат, арсенал и порт, где полно военных кораблей, все каждую ночь опасаются вражеского авианалета. Точно так же и в Ла-Линеа, где неосторожное население, правда, сидит при свете, когда есть электричество, но с наступлением темноты на

⁷ Под *Барохой* подразумевается, вероятнее всего, испанский писатель Пио Бароха-и-Неси (1872–1956), крупная фигура «поколения 1898 года», или его сестра, писательница и этнолог Кармен Бароха (1883–1950), писавшая, впрочем, под псевдонимом Вера Альсате, или их брат Рикардо Бароха (1871–1953), писатель и гравер. *Вики Баум* (Хедвиг Баум, 1888–1960) – австрийская писательница, более всего известная своей повестью «Гранд-отель» (*Menschen im Hotel*, 1929); в фашистской Германии ее книги были запрещены как аморальные.

⁸ Итальянец Эмилио *Сальгари* (1862–1911), американец Пёрл *Зейн Грей* (1872–1939) и англичанин *Эдвард* Филлипс *Оппенгейм* (1866–1946) – авторы жанровой беллетристики: приключенческих романов, вестернов и дипломатических триллеров в гламурной обстановке соответственно. Британский писатель *Эдгар Уоллес* (Ричард Горацио Эдгар Уоллес, 1875–1932) считается основоположником жанра триллера. *Хосе Мария Пеман* (1897–1981) – испанский писатель, журналист и драматург, монархист, автор одной из неофициальных версий текста франкистского гимна (официально исполнявшегося без слов); «Рай и змея» (*El paraíso y la serpiente*) – его роман 1942 года.

Гибралтаре никто не чувствует себя в безопасности: пока кто-то включает «Радио Насьональ» или музыку на «Радио Танжер», остальные внимательно прислушиваются, не гудят ли в небе моторы. Не раз итальянские бомбы падали по эту сторону разграничения, оставляя после себя убитых и раненых.

Неожиданно Елена останавливается, застывает, опершись на руль и глядя на темнеющую бухту. Слабые порывы ветра доносят запах водорослей, селитры и разлитой нефти, этого проклятия местных рыбаков. Море спокойно, слышится только шорох волны, тихо набегающей на прибрежный песок там, где едва заметно прочерчена береговая линия. Вокруг безлунная темнота, только вдалеке, на испанской стороне, видны огни, мир и покой под черным небом, в котором постепенно разгораются звезды.

Итальянец.

Вот что не выходит у нее из головы.

Ломбардо, Тезео, вспоминает она; и по какой-то необъяснимой причине начинает дрожать, да так сильно, что отпускает руль и обхватывает себя руками, словно ей вдруг стало холодно.

Ломбардо, Тезео, главный старшина Королевских военно-морских сил.

Сегодня утром в Альхесирасе она увидела его, когда воспоминание было уже так далеко от нее самой и от ее жизни; но тот, кого она помнит так явственно, – другой человек. Или тот же самый человек, тогда казавшийся другим: незнакомец, который около двух месяцев назад лежал в ее доме на ковре, испачканном песком, недоверчиво глядя на нее и предусмотрительно положив нож на расстоянии вытянутой руки. Неведомый Улисс, вышедший из моря, одетый в черный прорезиненный костюм, кровь сочится из ушей и носа; крепкое мускулистое тело, мокрые волосы, классический мужской профиль, четкие черты лица, над которым так естественно было бы увидеть сияющую медь старинного греческого шлема. Она вспоминает зеленые глаза, напряженно изучавшие ее, сначала недоверчиво, потом благодарно, и его последний взгляд, когда двое мужчин, которых она никогда до этого не видела, приехали за ним на автомобиле, помогли ему подняться и набросили одеяло на плечи. Один из них, высокий и худощавый, без иностранного акцента, сказал Елене, что они у нее в долгу и надеются на ее благородство и молчание, подкрепив свои слова жестом, хоть и вежливым, но одновременно неуместным, и тут человек, вышедший из моря, посмотрел на нее в последний раз, пристально и напряженно. С его теплых губ, растянувшихся в благодарной улыбке, сияющей и светлой, слетело слово *grazie*⁹.

Собака первая что-то чувствует: поднимает уши, затем голову, которая до того лежала на лапах, и с тихим ворчаньем смотрит на дверь; Елена отрывается от книги и прислушивается.

– Тихо, Арго. Успокойся... Замолчи.

Ничего не слышно, но собака не успокаивается. Елена встает, гасит свет неяркой лампы, открывает дверь и выходит в темноту сада, как раз когда вдалеке слышится шум со стороны близкой горной гряды Карбонера. Через несколько минут гул низко летящих самолетов разрывает тишину ночи, тени скользят по стене дома, направляясь к Гибралтару, освещенному только луной.

Опять они, думает Елена. Они снова здесь, в небе.

Их не было уже десять ночей.

Она неуверенно отступает, пытаясь найти защиту, прижавшись к стене дома, собака трется о ее ноги, и тогда Елена видит, как над бухтой пролетают быстрые черные силуэты, и тут же над темной массой британской колонии загорается дюжина тонких и длинных, необыкновенно ярких лучей. Стрелы прожекторов целят в небо, словно на каком-то странном празд-

---

⁹ Спасибо (*ит.*).

нике. Один из них выхватывает из темноты черные очертания самолета, потом еще одного, но тут же теряет. И сразу же стремительные лучи со всех сторон ощупывают небо; сухие, монотонные артиллерийские залпы не заставляют себя ждать. Бум, бум, бум, слышатся один за другим. Бум, бум, бум, бум, бум. Бело-голубые полосы взмывают ввысь и рассеиваются по воздуху или падают в море, отражаясь в воде, мимоходом освещая силуэты судов, стоящих на якоре. И через мгновение взрывы бомб, сброшенных на Пеньон, вспыхивают оранжевым, и слышится глухой звук, который отдается в груди Елены, словно бой барабана.

Это длится не больше минуты. Внезапно разрывы бомб и противовоздушные залпы артиллерии прекращаются, прожекторы еще несколько секунд ощупывают пустынное небо, но и они гаснут один за другим, возвращая ночи сияние звезд и луны. Огромная скала вновь становится темной массой, и единственная точка, далекая и ясная, которая ее освещает, – отблеск пожара, что пылает, похоже, в зоне Гибралтарского порта. И снова в бухте воцаряется покой.

Елена входит в дом и вставляет вилку в розетку, чтобы продолжить чтение, но света нет. Легко и привычно она на ощупь находит спички, поднимает стеклянный колпак газовой лампы и колесиком регулирует фитиль. Желто-оранжевый свет заполняет небольшую гостиную, освещает стеллажи с книгами, поставец с фаянсовой посудой и бутылками, кресло-качалку, стол и ковер, на котором снова лениво разлеглась Арго. Он освещает и старую картину на стене над диваном: на выцветшем холсте изображен парусник, который борется с бушующими волнами, стремясь добраться до порта. И фотографию в рамке, что стоит на письменном столе: на ней Елена три года назад, под руку с загорелым и стройным мужчиной в форме моряка торгового флота – в руке берет, на отворотах рукавов нашивки лоцмана.

Ей больше не хочется читать.

Нет, конечно, уже ночь.

Она даже не пытается. Стоит посреди комнаты и смотрит на фотографию. Ей и сладко, и горько вспоминать недавнее прошлое, которое все еще так живо. Она вспоминает свои ощущения, далекие, но незабываемые. Хотя, говорит она себе, по прошествии двух лет одиночество уже не так ужасно, как вначале, боль не так остра, как ей кажется. А может быть, ей просто страшно. Она перебирает неспешное течение дней: работа, книги, близость моря, общество собаки, долгие прогулки, друзья поблизости, душевная свобода без тесных привязанностей; это касается даже ее отца – редкие письма и еще более редкие, безразличные телефонные звонки; он стареет вдалеке, среди опасностей войны, в Малаге, в двухстах километрах отсюда. Впрочем, отсутствие тесных связей и близких отношений с их трудностями и страхами несет свое утешение. Утешение и крепость духа. Ты слаб, если чего-то боишься или на кого-то надеешься, кроме себя. И если будет необходимо, ты сложишь свою жизнь в чемодан и покинешь насиженное место, не оглядываясь.

Есть только Арго, думает Елена. И тогда она наклоняется и гладит собаку, а та, чувствуя ее прикосновение, поворачивается и поднимает лапы, чтобы ей почесали пузо. Есть только собака и воображаемый чемодан. Спокойный и удобный мир, без неожиданностей и переживаний. Взять и переехать и поселиться в любом другом месте.

Несмотря ни на что, заключает она. Несмотря ни на что.

Поразмыслив, она направляется к буфету и выдвигает ящик. Трое часов, которые были на человеке, вышедшем из моря, так с тех пор и лежат. Она сняла их с его запястий, когда пыталась привести его в чувство, но ни ему, ни тем, кто за ним приехал, не пришло в голову их забрать, когда его увозили. Нож взяли, а про часы забыли. Она заметила их на полу, когда машины уже не было слышно, и некоторое время разглядывала, а потом убрала в ящик, под аккуратно сложенные салфетки и скатерти, в ожидании, когда кто-нибудь придет и попросит их вернуть.

Она достает часы и снова их рассматривает. Одна пара – часы, вторая – компас, а третьи – какой-то неведомый прибор, назначение которого ей неизвестно. Все сделаны из стали, с рези-

новыми ремешками. Компас – плексигласовая полусфера и квадранты с четырьмя сторонами света, плавающие внутри. На черной крышке часов имеется надпись: «Радиомир Панераи»; цифры на них, как и на других приборах, светящиеся, их видно в темноте. На третьем приборе виден ряд цифр, которые, скорее всего, показывают давление или глубину.

Елена садится и кладет на колени все три прибора. Тот человек на берегу моря и тот, кого она встретила утром в Альхесирасе, не выходят у нее из головы, совершенно обескураживая, словно она осторожно приблизилась к краю обрыва или к глубокому колодцу, и ее это одновременно и тревожит, и влечет: тайна, которую надо разгадать, загадка без отгадки. В мире шла война, теперь идет другая, а может, это та же самая война; и трое часов у нее в руках, неизвестный итальянец у порта, его секрет – он у него, несомненно, был, он и сейчас есть, – часть этой войны. Она понимает: если она не уберет часы обратно в ящик и не забудет о том, кто их носил, если так и будет настойчиво думать о том, что же она хочет разгадать, она и сама станет частью этого мрачного сооружения. Из бомб и прожекторов, обманчиво далеких, которые только что осветили Гибралтар.

В конечном счете, решает она, не я искала этой встречи. Война сама пришла ко мне, я ее не звала. Два года назад в Масалькивире, два месяца назад на берегу, на рассвете, несколько часов назад в Альхесирасе. Такова любопытная геометрия жизни. Какие-то вещи происходят независимо от нас, заключает она. Возможно, потому, что некие скрытые от нас правила определяют то, что должно произойти. И трех раз достаточно, чтобы считать себя соучастником.

Погруженная в свои мысли, она улыбается, немного удивленно, сама не понимая почему. Она сидит у себя в доме, в свете керосиновой лампы, у ног лежит собака, на коленях у нее трое часов; Елена Арбуэс окончательно решает, что война, которую она считала чужой, вновь входит в ее жизнь.

Елене необходимо все узнать, и она узнаёт.

2

Люди убывающей луны

Старший матрос Дженнаро Скуарчалупо первый обращает внимание на женщину: она худенькая и несколько выше ростом, чем большинство испанок, в ярком, легком платье, которое очерчивает ее ноги и бедра. Он замечает ее среди посетителей за столиками под навесом, сделанным из паруса, в баре ресторана «Мирамар», ближайшем ко входу в порт. Он видит ее издали, она заказала какой-то напиток, на ней шляпа с небольшими полями, закрывающими лоб. Скуарчалупо бросает на нее быстрый оценивающий взгляд – он неаполитанец, ему нравятся андалузки, так похожие на женщин его страны, – и продолжает беседовать с приятелями, только что сошедшими на берег на краю мола Ла-Галера, младшим лейтенантом Паоло Ареной и главным старшиной Тезео Ломбардо.

Второй раз он видит ее на улице, случайно обернувшись. Похоже, та самая, что была на террасе, а сейчас она идет по улице Кановас-дель-Кастильо, следом за ними, шагов на двадцать позади. Скуарчалупо считает это совпадением и не придает ему особого значения, на секунду задерживает взгляд на женщине и снова поворачивается к приятелям. В центре города очень оживленно, и это немного смягчает ностальгию старшего матроса по родным местам. Кроме всего прочего, ему хочется размять ноги, поскольку он безвылазно провел два дня в жарком и грязном трюме, где сначала чинил выпускной клапан трюмной помпы, из-за которого были проблемы, а потом реостат тягового электродвигателя. Вообще-то эту работу выполняет специалист-механик, сардинец Роккарди, но того месяц назад увезли в Кадис с аппендицитом, и он все еще не вернулся из больницы.

Впрочем, Скуарчалупо не жалуется. Он небольшого роста, атлетического сложения, волосы у него густые и кудрявые, и он пытается выпрямить их, зачесывая назад с помощью бриолина. Уроженец Средиземноморья, с веселым нравом и прекрасным чувством юмора, которое помогает ему радоваться жизни. Он шагает не торопясь, всем довольный, с сигаретой в зубах, засунув руки в карманы брюк, наслаждаясь прогулкой и солнечным днем, который от юго-восточного ветра делается еще приятнее. Как и оба его товарища, он в рубашке с закатанными рукавами, альпаргатах и имеет при себе документ, удостоверяющий, что его зовут Фабио Коллана и что он работает на предприятии «Стелла» в Генуе, которое занимается ремонтом и восстановлением морских судов. Таким образом, он гражданский служащий в нейтральном порту: безупречное прикрытие, в том числе и в Испании, которая, хоть и остается воюющей страной, в общемировом конфликте все-таки склоняется больше к позиции Италии. Все трое – разудалые моряки, которые сходят на берег, чтобы посидеть в барах, а в дни получки зацепить на полчаса какую-нибудь сирену, гуляющую по пристани. В Альхесирасе глаза и уши повсюду, приходится быть осмотрительными.

– Вот и литейная мастерская, – говорит младший лейтенант Арена, указывая на какую-то лавку.

Арена худой, у него выступающий кадык и короткие усы, он похож на печальную борзую собаку. Он и Ломбардо входят в мастерскую, а Скуарчалупо остается перед дверью, наблюдая за улицей. Женщины, которая шла за ними, не видно, – может быть, все-таки показалось; хотя тот факт, что она попалась ему на глаза дважды за последние полчаса, его тревожит. Это не враждебный город, но когда их сюда посылали, рекомендовали принять определенные меры предосторожности. Как бы то ни было, и Альхесирас, и территория Гибралтара – заповедные места для различного рода тайных служб: загородные домики, придорожные магазины и гостиницы – «Королева Кристина» в городе, «Принц Альфонсо» у линии разграничения – кишат английскими, немецкими, итальянскими и испанскими шпионами, которые переходят туда-

сюда, действуя каждый соответственно своему назначению. Ничего из этого не касается напрямую группы Скуарчалупо, однако лучше быть настороже, а то ведь кто знает. Как гласит старинная морская поговорка, которая известна и в Испании, «креветку, что спит, уносит течением».

После мастерской, где они купили необходимые для ремонта механические и электротехнические детали, трое мужчин направляются к рынку на площади Торроха. На открытом, современного вида торжище разносятся голоса продавцов, и все пространство больше напоминает главную площадь мавританского города, чем испанский рынок: запахи от прилавков с морепродуктами и специями смешиваются с запахами фруктов и овощей, вяленой трески и соленых сардин в бочках. Такое всегда вызывает подъем духа у Скуарчалупо, потому что весьма напоминает квартал в Неаполе, где он родился двадцать семь лет тому назад. По части адаптации к средиземноморскому шуму и гаму – да еще Африка в двадцати двух километрах – в это утро у старшего матроса Королевских военно-морских сил имеются преимущества перед товарищами; те, конечно, окончили школу водолазов Десятой штурмовой флотилии, закалились в суровых переделках, да и в послужных листах у них участие в военных действиях, и все равно есть вещи, которых они сторонятся. Они – люди севера, из тех, что морщат нос от средиземноморских ароматов: Паоло Арена из Савоны, он лигуриец; Тезео Ломбардо из Венеции.

И тут Скуарчалупо видит ее снова. Покупая фрукты – торгуется с продавцами всегда он, – поднимает глаза и через два прилавка опять видит ту самую женщину, которая что-то рассматривает на рыбном прилавке. Она без шляпы, однако он сразу же ее узнает. Без сомнения, та самая женщина, которую он видел на террасе кафе и потом на улице. Теперь он видит ее в третий раз, и это обстоятельство кажется подозрительным: неприятная неизвестность, которая вызывает тревогу и недоверие. А может, она не одна. Возможно, за ними следит кто-то еще. И может быть, это лишь видимая часть угрозы, куда более серьезной и опасной.

– Там женщина у рыбного прилавка, – говорит он своим товарищам. – Сейчас не заметно, но, по-моему, она следит за нами.

Младший лейтенант Арена, удивившись, осторожно оборачивается.

– Та, что в ярком платье? – спрашивает он через секунду, понизив голос.

– Она самая.

Арена искоса смотрит на нее снова:

– Думаешь, следит за нами?

– Уже какое-то время... Она была в порту, когда мы сошли на берег.

– Ты уверен?

– Слово дуче.

– Я серьезно, Дженна.

– Я серьезно и говорю. Я почти уверен.

– Может, совпадение?

– Понятное дело, может. Но три раза за короткое время...

Арена поворачивается к третьему члену группы:

– А ты что думаешь?

Тезео Ломбардо их как будто не слушает. Он стоит не шевелясь, с серьезным лицом, и смотрит на женщину. Не отрываясь и не скрываясь: и даже несмотря на загар, видно, что он побледнел.

– Да не пялься ты так на нее, – одергивает его младший лейтенант, – заметит же.

– Это она, – наконец произносит Ломбардо.

Арена стоит с открытым ртом.

– Кто «она»?

– Женщина из Пуэнте-Майорга. Та, что была на берегу.

– Не валяй дурака. Та самая, которая...

– Да.

Все трое растерянно переглядываются. Неожиданно Ломбардо отходит прочь.

– Тезео, не вздумай... – предупреждает его встревоженный Арена.

Однако Ломбардо не обращает на него внимания. Он идет к женщине и останавливается рядом с ней. Она поднимает голову, и оба стоят неподвижно, глядя друг другу в глаза.

– Не нравится мне все это, Дженна, – говорит Арена.

Скуарчалупо кивает, обеспокоенный не меньше, чем его товарищ.

В восьмидесятых годах прошлого века улица Пиньясекка была – и остается сегодня, когда я пишу эту историю, – одной из самых оживленных и многолюдных улиц Неаполя. Именно там билось сердце города – среди уличных прилавков, где разносились запахи мяса, зелени, рыбы и горячей пиццы. Свернув на эту улицу, ты оказывался в толпе людей, которые что-то покупали, спорили, смеялись: хозяйки с корзинками для покупок, разные типы с физиономиями висельников, которые стояли на пороге баров, курили и потягивали пиво, – не хотелось бы повстречать их в темном переулке, – женщины, чья красота была вызывающей и сомнительной. Весь этот муравейник заполняли неумолчный гул вперемежку с автомобильными и мотоциклетными гудками и сияние средиземноморского солнца, проникавшего между дряхлыми дворцами, где в гостиных, превращенных в скромные жилища, аристократические семьи сосуществовали с простым людом, словно весь город стал бесконечной кинолентой. Многосерийным фильмом Витторио Де Сики.

Se potessi avere
mille lire al mese,
senza esagerare,
sarei certo di trovar
tutta la felicità...¹⁰

Эту старую песенку напевал Дженнаро Скуарчалупо, наблюдая, как я настраиваю магнитофон. Закусочная «Водолаз» находилась на углу улиц Пиньясекка и Паскуале-Скура. В первый же день – адрес мне дала хозяйка книжной лавки в Венеции – мое внимание привлекла вывеска над дверью, рядом с названием: череп с цветком в зубах. «Водолаз» – столовая, где подают пасту, рыбу и дежурное блюдо; сюда приходят служащие соседних магазинов и больницы. Восемь столиков внутри и шесть снаружи, на солнышке зимой и под навесом летом. Обслуживанием занимается семья владельца, сам он уже на пенсии: волосы у него выющиеся и белые, но до сих пор густые, лицо покрывают глубокие морщины и возрастные отметины, плечи хранят память о былой крепости и силе. Три дня я беседовал с ним, сидя рядом с небольшим уличным алтарем, украшенным пластиковыми цветами и посвященным одному из бесчисленных неаполитанских святых; я сидел за тем самым столом, куда давным-давно старший матрос Королевских военно-морских сил усаживался пообедать, поболтать с соседями и пожаловаться на сына и невестку, которые, по его мнению, неправильно ведут дело.

– Тезео Ломбардо был мой бессменный двойник, – подтвердил он.

– Двойник?

По лицу старика было видно, что им завладели воспоминания.

– Так мы тогда друг друга называли... Мы работали в паре и привыкли быть вместе. Мы сидели верхом на майале, которую техники называли «силуро а лента корса»: тихоходная торпеда.

– Ломбардо был вашим командиром на каждом задании?

---

¹⁰ Здесь: Заимей я больше денег, Был бы счастлив я вполне... (ит.).

Он посмотрел на меня так, словно прикидывал масштабы моего невежества. Глаза у старого водолаза были темные, а жесткий взгляд порой становился испытующим и подозрительным.

– Он был младший офицер, а я – его оператор... Но дружба между нами была такая, что никто никогда не обращал внимания на нашивки. Даже на офицерские. Мы всё делали вместе, переносили одни и те же трудности. Вместе преодолевали опасности. Не припомню ни одного случая, чтобы кто-то из нас ставил себя выше остальных.

Главная мысль – это систематические удары по Гибралтару, причем так, чтобы враг и предположить не мог, кто начнет атаку: подводные лодки или водолазы, вышедшие из моря... Пусть себе думают, насколько мозгов хватает. Они и правда с ума сходили. База в Альхесирасе была намертво засекречена и оставалась таковой до самого конца войны. Англичане много позже поняли, что там происходило. Откуда появлялись итальянские водолазы, как они пересекали бухту и взрывали английские корабли.

– Должно быть, вам за это много платили, – предположил я.

Он немного помолчал. Задумчиво глядя на залитый солнцем прямоугольник улицы.

– Платили прилично, это да, – сказал он.

– А погибали много?

Он кивнул и опять умолк.

– Хватало, – ответил он наконец.

Он смотрел на улицу, словно те, о ком он вспоминал, вот-вот выйдут из-за поворота и сядут за столик.

– Они уходили в ночь и не возвращались, – добавил он, помолчав. – А некоторых ловили – как меня, например.

Я подался вперед с неподдельным интересом:

– Это и с вами было? Вас взяли в плен?

– Ясное дело.

– И многие попадались?

Его невестка принесла нам два кофе, и старик помешал его ложечкой.

– У нас по ходу дела было не так уж много возможностей, понимаете меня? – Он отпил глоток. – Или тебя убьют, или схватят. Но они не могли вытащить из нас ни слова, кроме имени, звания и номера удостоверения.

Он засмеялся, вспоминая об этом. Потом отпил еще кофе и снова усмехнулся.

– Нас не так легко победить, – с удовлетворением отметил он.

– Оно того стоило?

– Что значит «стоило»? – В суровом взгляде промелькнуло лукавство. – Надо было видеть рожи этих высокомерных англичан, когда они смотрели на тонущие в порту корабли!.. У них под самым носом. Мы проделывали это на Гибралтаре и в Александрии, в бухте Суда и у берегов Алжира. Мы им здорово наподдали.

Он снова задумался, потом хитро прищурился, рассчитывая на мое соучастие:

– Это очень по-итальянски, вам не кажется?.. Сделать нечто такое, чего другие никогда бы не сделали, потому что даже не способны представить.

Я изобразил согласие, а сам невольно подумал об итальянской литературе, статьях, фильмах: Альберто Сорди, Уго Тоньяцци, Дино Ризи, Луиджи Дзампа и многих других. Старая, мудрая Италия, несчастливая и полная скепсиса; драмы, стоически принимаемые как неизбежность и при этом всегда с юмором.

– Значит, это ложь, – сказал я, – когда говорят, что итальянцы сражались без особого воодушевления.

Он посмотрел на меня как на придурка.

– У каждого своя борьба и своя вера. – Он снова пристально взглянул на меня. – Вам известен фашистский девиз: «Верить, подчиняться, сражаться»?

– Я его знаю.

– Не знаю, верили ли во что-нибудь наши генералы и адмиралы, – сказал он примирительно, – но у нас была наша вера.

Я не стал углубляться. Момент был неподходящий. Тогда я еще не так много прочитал на эту тему, но знал, что с начала 1943 года, когда маршал Бадольо¹¹ капитулировал перед антигитлеровской коалицией, подводный флот Италии распался на две части: одна вошла в коалицию, а другая осталась верна соглашению с немцами.

Теперь старый моряк смотрел на меня с некоторым недоверием:

– Что вы собираетесь делать с моими рассказами?

– Не знаю пока, – искренне ответил я. – Я журналист, я вам уже говорил. Меня просто интересует этот сюжет... Может, сделаю репортаж.

Казалось, он удивился:

– Вы что, приехали в Неаполь, только чтобы поговорить со мной?

– Нет, вообще-то я вроде как освещаю учения НАТО. Просто воспользовался случаем.

– А еще с кем-нибудь собираетесь говорить?

– Если кого-нибудь найду, может, и поговорю.

Он улыбнулся несколько загадочно:

– Нас не так много осталось в живых.

Я достал пачку сигарет и предложил ему, но он отказался, покачав головой, и приложил руку к груди. Сказал, что его легкие не терпят табака. Я закурил.

– А как вы с Ломбардо работали на майале?

Старик прикрыл глаза, вспоминая. Ломбардо, рассказал он, был главным в их паре и сидел впереди, где находился пульт управления: регуляторы курса, скорости и глубины. Скуарчалупо же сидел сзади, около рычага быстрого погружения, а за спиной у него был ящик с инструментами для разрезания сетей и разводные ключи для крепления взрывчатки к стабилизаторам вражеских кораблей.

– Я все думаю, что заставило вас этим заниматься.

– Мы служили в Десятой флотилии и все были добровольцами. До войны я работал водолазом... Доставал кораллы из Средиземного моря и жемчуг из Красного.

– А ваш товарищ?

Он задумался, стараясь вспомнить.

– У его семьи вроде была небольшая верфь – строили гондолы в Венеции... Насколько я помню, он работал там.

– А когда вы познакомились?

Он ответил, что осенью 1941 года. В Ливорно была школа водолазов, а тренировочная база находилась в Бокка-ди-Серкьо, недалеко от Специи, на территории охотничьих угодий, принадлежавших Королевским военно-морским силам: скрытое от всех место, где были спокойная вода, белый песок, сосновые боры и густые леса, защищавшие от любопытных взглядов. Там, в обстановке полнейшей секретности, готовили операторов для ночного нападения на плавучие средства, для атак на поверхности моря и на глубине; учили, как обходить препятствия и топить вражеские суда. Скуарчалупо с Ломбардо отлично сработались, помогая друг другу выдерживать низкие температуры и отравление углекислым газом при выдыхании кислорода, когда давление воды превосходило нормальное в два или три раза. Они были натренированы на такие вещи, которых обычные люди перенести не могут.

---

¹¹ Пьетро Бадольо (1871–1956) – итальянский маршал, премьер-министр Италии в 1943–1944 годах, после свержения Муссолини; в 1943 году подписал капитуляцию, после чего Италия на стороне союзников объявила войну Германии.

Старик покачал головой, продолжая вспоминать:

– А к девушкам даже приближаться не разрешали... Единственным развлечением в те времена было съездить в кино в Виареджо или перекусить в закусочной «Буонамико».

– Вы с самого начала и до конца были вместе?

– Нет. Он начал работать раньше, чем я.

Он поведал мне подробности. Его товарищ оставил Бокка-ди-Серкьо, потому что его включили в одну из штурмовых групп, действовавших с подводных лодок «Шире» и «Амбра». Так вышло, что Ломбардо и другой водолаз – его звали Коррадо Гатторно, и он погиб во время операции в Гибралтаре – потопили нефтяной танкер «Слиго». Неаполитанца и венецианца соединили в боевой экипаж в Альхесирасе осенью 1942 года; к тому моменту Десятая флотилия уже атаквала английские корабли в бухте Суда на торпедных катерах и потопила «Йорк», «Бонавентуру» и другие корабли; а с помощью майале в Александрии на дно пошли «Вэлиант», «Куин Элизабет» и «Сагона». То же самое они попытались сделать у берегов Мальты, но там потерпели поражение.

– В Альхесирасе все было очень хорошо продумано и спланировано, – добавил Скуарчелупо. – Для этой секретной операции выбрали нас как самых лучших, отлично натренированных: группа «Большая Медведица».

Меня заинтересовало название – не потому, что я такого никогда не слышал, а потому, как он это произнес. Каким тоном.

– «Большая Медведица», говорите?

Он кивнул и гордо вскинул голову.

– Уж такие мы были: люди убывающей луны.

Я удивленно посмотрел на него: небритый подбородок старшего матроса, покрытый седой щетиной, слегка дрожал. Неожиданно он словно постарел и сделался ранимым, а его темные неласковые глаза увлажнились слезами. Он молчал; сидел не шевелясь, глядя на свои костлявые руки, деформированные артрозом, и печально улыбался.

– Все было тщательно спланировано, и мы начали действовать в Альхесирасе в конце сорок второго года... Когда я вошел в состав отряда, Тезео и остальные уже какое-то время готовились к операции. Они даже совершили несколько атак без майале: отправлялись вплаву с подводной лодки «Шире» и ставили маленькие мины, которые мы называли бутонами или сундучками.

Я связал концы с концами.

– И во время одного из таких набегов, – уточнил я, – Тезео Ломбардо познакомился с Еленой Арбуэс.

– Да, тогда, на берегу... А через два месяца они встретились на рынке, когда я понял, что она идет за нами.

– А каким он был?

– Тезео? – Мой собеседник улыбнулся своим воспоминаниям. – Замечательный был человек.

Я не отставал:

– В каком смысле «замечательный»?

Он немного подумал.

– Больше требовал от себя, чем от своих товарищей, – наконец ответил он. – Доброжелательный, трудолюбивый, искренний. Немного наивный, но надежный и очень выдержанный. Отличный человек, я же говорю... Один из тех, кто рождается героем, но сам об этом не знает.

На рынке Альхесираса он стоит перед ней, безмолвный и неподвижный. Стоит так близко, что можно ощутить, как он дышит. У Елены Арбуэс перехватывает дыхание, когда она поднимает глаза и видит его перед собой. Его зеленые глаза изучают ее скорее с радостным

удивлением, чем с подозрением. Она рассматривает его, не таясь, замечая каждую мелочь, мало-помалу узнавая его: лицо южанина, короткие, как и в тот раз, волосы, чисто выбритый подбородок, крепкие плечи, белоснежная рубашка, оттеняющая загорелую кожу, а на шее, под воротником, золотая цепочка с крестиком.

– Что вы здесь делаете? – спрашивает он.

Он хорошо говорит по-испански – правда, с легким акцентом. Как и тогда. Вопрос задал с непонятной, удивившей Елену мягкостью, которая взволновала ее и уняла смущение от того, что ее присутствие раскрыто. А впрочем, вдруг думает она, может, как раз этого она и хотела. На это и рассчитывала. Чтобы он смотрел на нее так, как смотрит сейчас. Она неопределенно взмахивает рукой, надеясь, что жест ничем не выдаст ее волнения.

– А я вас узнала, – говорит она просто.

– Когда?

– Три дня назад.

Он удивленно моргает, и это придает ей уверенности. Она почти победительница. Смущение уходит, как только она понимает, что он растерян не меньше. А может, и больше, ведь она уже целых три дня думает об этой встрече, каждое утро пытаюсь создать случайность, сидя на террасе бара с книгой в руках и непрерывно думая о том, что сделает, если вдруг снова его увидит. Но никакой план, никакие заготовленные фразы, никакое предположение не срабатывают сейчас под его взглядом, все еще недоверчивым. В его глазах цвета влажной травы, которые не отрываясь смотрят на нее, мешаются смущение и опасение. В этом опасении, однако, нет ни досады, ни страха. Он чист душой, решает она. Почти как ребенок. Маленький мальчик, удивленный тем, что существуют некие неизвестные ему правила.

– Вам не стоит здесь находиться, – говорит он с сомнением, обращаясь, кажется, не столько к ней, сколько к себе.

– Я удивилась, увидев вас здесь. Я думала, вы далеко отсюда.

– Я и был далеко. Я...

Он умолкает в нерешительности. Озирается и останавливает взгляд на двоих мужчинах, которые неподвижно стоят в десяти-пятнадцати шагах, с беспокойством наблюдая за ними.

– Я не должен с вами говорить.

– По-моему, вы уже это делаете... Не думаю, что у вас есть выбор.

Он молчит. И пристально на нее смотрит. Наконец слегка пожимает плечами, словно смирившись.

– Пойдемте, – говорит он.

Уверенность на мгновение покидает ее. Он едва заметно дотрагивается до ее локтя, как бы призывая следовать за ним, а сам направляется к боковому выходу с рынка, где стоят прилавки с едой, где жарят осьминогов и продают напитки. От его прикосновения ее бросает в дрожь. Она идет за ним – вернее, дает себя увести по мокрому полу, пахнущему рыбой и морем, между прилавками с разделанным тунцом и меч-рыбой, лангустами и блестящими рыбинами, покрытыми чешуей, с глазами навывкате. Они останавливаются возле одного из прилавков, и Ломбардо жестом предлагает ей сесть за столик, а сам садится на другой стул; она видит, что оба его товарища продолжают держаться на расстоянии, но теперь ведут себя иначе. Они больше наблюдают за людьми вокруг, чем за ними. Наблюдают внимательно и с подозрением.

– Простите меня, – говорит он. – Я ведь так вас и не поблагодарил.

Елена делает движение, которое должно означать, что это не важно.

– Вы поблагодарили меня два месяца назад, у меня в доме. Еще до того, как появились ваши друзья, или кто они вам.

– Я этого не помню.

– Но вы это сделали. На итальянском.

– А-а... Вы были сама...

– Любезность?

– Храбрость.

– Никакой храбрости в том, что я сделала, не было, – качает головой она. – Я предупредила, кого вы назвали, и они за вами приехали. Вот и все.

– Вы могли выдать меня гвардейцам.

– Вообще-то я собиралась. Но вы были так беспомощны, что я передумала.

Они молчат, глядя друг на друга. Подходит официант; она ничего не заказывает, а он – только пиво. Но к пиву не притрагивается.

– У меня дома остались вещи, которые принадлежат вам: часы.

Он улыбается. У него широкая, ясная улыбка, от которой его загорелое лицо светлеет. Очень естественная. И приятная.

– И правда, остались... Часы, компас и глубиномер.

– Надеюсь, они вам были не очень нужны.

Интонация у Елены вопросительная, и на секунду ей кажется, будто он хотел что-то сказать, – например, «мне выдали другие приборы», думает она, – но он продолжает молча смотреть на нее, и улыбка все не сходит с его губ.

– Почему вы шли за нами?

– Я шла не за вами всеми, а за вами лично.

– И что вы хотели?

– Ничего особенного... А вы бы не сделали то же самое на моем месте?

Он ненадолго задумывается.

– Полагаю, да.

Он смотрит на бутылку с пивом и проводит пальцем по запотевшему стеклу. Потом поднимает глаза, и взгляд у него испытующий.

– Что вы собираетесь делать?

– Я ничего не собираюсь делать. Я же говорю, я увидела вас три дня назад, случайно.

Казалось, он восхищен.

– И вы сторожили в порту все это время? Чтобы снова со мной увидеться?

– Да. Это меня развлекало. Будто в каком-нибудь романе или фильме, понимаете?.. Игра в детектив. Хотела убедиться, что это действительно вы. Что вы до сих пор здесь.

Он говорит, немного понизив голос:

– И вы знаете, что я здесь делал. Или подозреваете.

– Пожалуй, знаю. Что вы делали или сделали. Вопрос в том, что вы делаете сейчас.

Он снова моргает.

– Все не просто.

– Да уж... понимаю.

Он задумывается; видно, что ему нелегко. И он кажется очень серьезным.

– Я думаю, не обижу вас, если попрошу проявить осторожность.

– Как раз обидите.

– Простите.

Обаятельная улыбка, недавно озарявшая лицо мужчины, вдруг исчезает. Неожиданно он встает, достает из кармана несколько монет и кладет их на стол.

– Я не могу себе позволить столько времени проводить с вами. У меня...

Она смотрит на него, продолжая сидеть:

– Обязанности?

– Это может быть опасно.

– Для кого?

– Для нас обоих.

– Вы ведь сейчас на судне... «Ольтерра» – так, кажется.

Она видит, что он вдруг побледнел. Так сильно, что это ее даже пугает. Он смотрит на своих товарищей, потом на нее. И снова садится.

– Мы его ремонтируем, – говорит он совсем тихо. – Капитан повредил судно, удирая от англичан.

– Я знаю. Это случилось рядом с моим домом.

– Одно предприятие в Генуе вернуло корабль на флот и пытается восстановить его ходовые качества. Мы хотим переправить его на родину.

– Вы больше не водолаз?

– Водолаз по-прежнему. Я занимаюсь корпусом.

Елена кивает на его товарищей:

– Они тоже?

– Да.

– Они гражданские, несмотря на войну?

– Точно так.

– А вы?.. Вы больше не главный старшина Королевских военно-морских сил?

Он пристально смотрит на нее:

– Откуда вы узнали?

– Из вашего удостоверения, вспомните. Я видела его, когда вы были у меня в доме.

Он с тревогой оглядывается вокруг.

– Умоляю вас...

– Не надо. Я же дала вам слово.

Он смотрит на нее как-то странно, как будто фраза «я же дала вам слово», произнесенная женщиной, дезориентировала его еще больше.

– Как только смогу, постараюсь вам все объяснить, – говорит он наконец.

– Мне не нужны объяснения.

– И все-таки я вам обещаю. В сущности, вы имеете на это право.

Она задумчиво кивает. Кажется, он ее убедил. Она смотрит на него почти с вызовом:

– Пожалуй, я с вами соглашусь. Я имею право знать.

Склонившись над столом с книжными новинками, Самуэль Сокас, доктор Сокас, протирает очки в стальной оправе безупречно чистым носовым платком, аккуратно складывает его треугольником и возвращает в нагрудный карман пиджака. До Елены доносится аромат лосьона «Флюид».

– Пришло «Утвержденное железнодорожное расписание», доктор.

Сокас, оживившись, поднимает голову, и Елена протягивает ему толстую книгу на английском языке: последнее издание действующего железнодорожного расписания в Соединенных Штатах.

– О-о, прекрасно.

Елена указывает на Курро, который в глубине магазина открывает ящики и разбирает книги. Он только что достал четыре экземпляра последнего романа Хардиела Понселы и один из них уже поставил на витрину.

– Получили сегодня, с утренней посылкой.

– Это замечательно.

Доктор бросается листать расписание, пальцами с аккуратно подстриженными и отполированными ногтями нетерпеливо водит по странице, по колонкам с перечислением пунктов назначения и времени прибытия: Чикаго – Сент-Луис, 04:32, 11:17, 17:45, 02:00. Даллас – Хьюстон, 09:30, 12:05, 15:43, 19:27... Наконец удовлетворенно качает головой.

– Ты не представляешь, как ты меня обрадовала. – Он поднимает глаза и поправляет очки. – Разве тебе придет в голову что-нибудь прекраснее, чем знать, во сколько отец семейства

в Иллинойсе садится в поезд и едет на работу и сколько времени у него занимает дорога?... Или когда его поезд проедет мост через Миссисипи или узловую Гранит-Сити?

– И правда, – улыбается Елена. – Такое мне в голову не придет.

– Уверяю тебя, это чрезвычайно эффективное математическое упражнение. Словно ты удостоился привилегии присоединиться к созданию какого-то общемирового и почти совершенного сюжета... Понимаешь меня?

Она снова улыбается:

– Пытаюсь.

– Если однажды этим займешься, тебя затащит: точность и четкость сочетается с актуальностью, а острота – с непредсказуемостью технических дефектов или человеческих ошибок... Тебе обязательно нужно попробовать.

– Я непременно так и сделаю.

Сокас окидывает ряды книг грустным взглядом, в котором теплится надежда.

– Есть какие-нибудь новости о ежегоднике немецкой сети железных дорог? О расписании сорокового года?

– Пока нет, хотя я надеюсь, что удастся достать... Учти, сами немцы изъяли его из продажи, даже за границей.

Доктор смиренно соглашается:

– С их стороны это логично. Они не хотели облегчать жизнь врагу.

– Наверное.

– Но нас, любителей, они лишили настоящей жемчужины... Тебе не кажется?

– Где-нибудь да найдется, мы продолжаем искать. Один мой друг в Мадриде, хозяин букинистической лавки, тоже в курсе дела. Будем надеяться.

– Прекрасно, моя дорогая. Просто прекрасно.

И доктор вновь погружается в созерцание американского расписания поездов. Элегантный и эксцентричный холостяк, он трижды в неделю пересекает границу, так как работает в Колониальном госпитале и консультирует в Ла-Линеа, но настоящая страсть Самуэля Сокаса – железные дороги. Он состоит в разнообразных ассоциациях любителей и сам ходячая энциклопедия локомотивов, вагонов и железнодорожного полотна всех стран мира. Он даже выпустил в свет за свой счет «Краткую историю европейских железных дорог» – в книжном магазине Елены имеется пять экземпляров, правда, ни один не продан; Елена никогда не бывала у Сокаса в доме, но знает, что доктор располагает специальной библиотекой, коллекцией макетов и диорамой с миниатюрными путями, вокзалами, туннелями и мостами, по которым ездят игрушечные поезда. Посмеиваясь над Сокасом, его приятель Пепе Альхараке, муниципальный архивариус, уверяет, что доктор, в халате и тапочках приводя дорогу в действие, надевает фуражку начальника станции и дует в свисток: всегда заканчивается тем, что доктор все бурно отрицает, но в то же время загадочно улыбается.

– Ты давно не была на Гибралтаре, Елена?

Сокас оторвался от справочника и доброжелательно смотрит на нее. Она пожимает плечами:

– Недели три. Думаю поехать на днях, надо кое-что купить... ну и сигареты, конечно.

Сокас ничего не говорит, но поднимает брови в знак солидарности. В Испании, стране строгой морали и добрых традиций, только мужчины имеют право курильщика покупать табак по карточкам. Ни одна порядочная женщина не может приобрести его официально. Даже если она замужем или вдова.

– Я буду там как раз завтра утром... Мне нужно в госпиталь ровно к девяти. Если хочешь, могу поехать с тобой. Меня на границе знают и всегда помогают переходить на другую сторону.

– Спасибо тебе.

– Документы у тебя в порядке? И пропуск?

- Конечно.
- Обычно я прохожу очень рано. Тебе как, нормально?
- Абсолютно.
- Тогда в четверть девятого у решетки.
- Отлично.

Доктор сует книгу под мышку, достает кошелек, не моргнув глазом платит весомые шестнадцать песет – именно столько стоит американское расписание поездов, – и Елена дает ему сдачу.

– Как там последняя бомбардировка? – интересуется она. – В «Хронике Гибралтара» почти ничего не пишут.

– Да уж, – говорит доктор, кладет сдачу в карман и отвечает подробно: – Налицо всеобщее возмущение, поскольку итальянцы летают только по ночам и, пользуясь темнотой, нарушают границы воздушного пространства Испании.

– Были жертвы?

Сокас смотрит на Курро, занятого своими делами.

– Один убитый и трое раненых, все военные, – понизив голос, отвечает он. – Хорошо еще, что жителей Ла-Линеа обязали каждый вечер возвращаться на эту сторону. Меньше риска для наших патриотов.

Так и есть. Елене известно, что шесть тысяч испанцев ежедневно пересекают границу, поскольку работают в британской колонии, особенно с той поры, как гражданское население, из тех, кто находился там без крайней необходимости, было эвакуировано. Если не считать рыболовства, контрабанды и казарм военной базы, сам город Ла-Линеа и его окрестности существовали за счет английской части Гибралтара.

– Много разрушений?

– Да уж есть, не без того... Бомбы попали в Арсенал, в склады «Шелл», в электростанцию и в угольное хранилище на Южном молу.

– А корабли в порту и на рейде в бухте?

Доктор, снова листая вожаденное расписание, рассеянно пожимает плечами:

– О-о, про это новостей нет. Воздушные атаки происходят в основном в районе Пеньона, а итальянцы-подводники не орудуют в бухте уже какое-то время... Там везде противолодочные сетки, защита очень мощная, английский Королевский флот патрулирует акваторию между мысом Европа и мысом Карнеро.

Старший матрос Дженнаро Скуарчалупо приводит в движение стрелки часов. Затем, наклонившись, прислушивается к тому, как реостат наращивает обороты электродвигателя.

– Теперь все в порядке, – говорит он.

– Переведи на вторую скорость, – приказывает Тезео Ломбардо. – И потом на третью.

Верхом на переднем сиденье управляемой торпеды, по колено в воде, Скуарчалупо медленно поворачивает колесико контроля, чувствуя, как ток в сто восемьдесят ампер ускоряет обороты винта. Чтобы он не крутился вхолостую, майале погружают в бассейн до середины, глубже хвостом, чем носовой частью, и закрепив четырьмя канатными подпругами, чтобы она оставалась неподвижной.

– Сделай поменьше, – говорит Ломбардо.

Скуарчалупо поворачивает регулятор в обратную сторону на несколько делений. Двигатель слушается беспрекословно. Позади стабилизатора бурлит вода, и этот звук отдается в металлических переборках просторного трюма.

– Сделано.

– Вроде да.

– Останови.

Выключенный двигатель еще несколько секунд едва слышно жужжит, и наступает тишина. Скуарчалупо встает и поднимается на бортик бассейна; вода с него капает на палубу из тикового дерева. Ломбардо протягивает ему полотенце и сигарету.

– Одной проблемой меньше.

– Да уж.

В трюме душно и плохо проветривается, вентиляция накрылась. Водолазы работают в плавках. Пару минут они молча курят, с удовлетворением оглядывая продолговатую, темную майале. SLC, «силуро а лента корса», серия 200, по последнему слову техники. Из семи метров длины метр двадцать занимает носовая часть: там расположена съемная капсула, содержащая двести тридцать килограммов тротила и взрыватель Борлетти с часовым механизмом, достаточные для того, чтобы отправить на дно любое плавсредство. Из бассейна, устроенного в трюме на уровне моря, узкий проход ведет в порт и бухту Алхесирас. Мощные электрические лампы освещают такие же длинные темные очертания остальных пяти майале, установленных вдоль борта бассейна, на специальных козлах. Повсюду валяются кабели и электрические батареи, стоят цистерны со смазкой и маслом, лежат инструменты и подводное снаряжение. Трехцветный флаг Десятой флотилии свисает с переборки над черепом с гвоздикой в зубах, вырезанным из дерева.

– Уже утвердили состав экипажей на послезавтра? – спрашивает Скуарчалупо.

Ломбардо кивает. Голый торс блестит от пота, и он похож на античного атлета, смазанного оливковым маслом.

– Ты со мной, как и ожидалось.

– Это хорошо... А сколько нас всего?

– Два экипажа. Второй – капитан-лейтенант Маццантини и Этторе Лонго.

– А разве нас не три экипажа?

– Маццантини говорит, что на этот раз достаточно двух. Он не хочет сильно рисковать.

Надо посмотреть, как пойдут дела.

Скуарчалупо оглядывает майале.

– Дела пойдут прекрасно, – вздыхает он.

– Тем лучше для нас.

– И когда предполагается операция?

– В ночь убывающей луны ожидается волнение на море, которое будет усиливаться. В худшем случае у нас уйдет два часа, чтобы пересечь бухту... От полутора до двух часов.

– И еще возвращение.

Они смотрят друг на друга. Ломбардо докуривает сигарету и, наклонившись, стряхивает пепел на пол. Потом бросает окурки в пустую банку из-под машинного масла, которая служит пепельницей.

– Да, и возвращение.

Скуарчалупо нравится его товарищ. Неаполитанец, хоть и прекрасный пловец, натренированный в бесчисленных тактических операциях, ни разу не участвовал в настоящем бою; в этом у Ломбардо перед ним преимущество. Венецианцу двадцать девять лет, он сдержанный и надежный, невероятно вынослив физически и сохраняет спокойствие в любых обстоятельствах. Пульс его, полагает Скуарчалупо, в критические моменты никогда не превышает восьмидесяти ударов в минуту. И тот и другой родились, чтобы стать водолазами, и знают друг друга до такой степени, что угадывают мысли. Такая степень внутренней близости типична для отряда «Большая Медведица»: все операторы-подводники, без различия званий и чинов, вместе тренировались в Бокка-ди-Серкьо и в Специи: погружались в море, освобождали подводные лодки от сетей, управляли торпедами, ставили взрыватели на вражеские корабли. Жизнь каждого из них зависела от его товарища, и каждый это знал.

Ломбардо смотрит на свои особенные часы, которые носит на левом запястье: «Лонжин», куплены в Кадисе.

– Пошли наверх, Дженна... Через пятнадцать минут инструктаж.

Натягивая канаты полиспаста, они поднимают майале так, чтобы висела над водой. Потом одеваются в широкие морские штаны из саржи; Скуарчалуло натягивает трикотажную майку, венецианец – рабочую серую блузу, и оба надевают альпаргаты. Открыв и закрыв за собой потайной люк, спрятанный в трюме носовой части – не обнаружишь, если нарочно не искать, – они поднимаются по узкому железному трапу на верхнюю палубу, а оттуда выходят на главную и оказываются под открытым небом, рядом с брашпилем; солнечный свет струится с чистого, без единого облака, неба. За их спинами, по левому борту, сразу за портовым молотом, лежит город Альхесирас, ярко-белый в солнечном сиянии, заполняющем бухту; с противоположной стороны, в четырех милях по прямой, возвышается скалистый мыс Гибралтар, который на расстоянии кажется серо-голубым: старинный арабский Джебель-эт-Тарек, гора Тарик, – ключ Британии к Средиземноморью. И только на самом верху гребня угадывается небольшое, словно шапка, облако, принесенное восточным ветром.

Скуарчалуло замечает, что взгляд его товарища скользит по линии берега от Пеньона к западу и останавливается на полпути, в Пуэнте-Майорга. В его зеленоватых глазах отражается свет.

– И как с ней быть? – спрашивает неаполитанец.

Ломбардо стоит, не шевелясь и не отрывая взгляда от городка. Потом неопределенно пожимает плечами.

– Мы можем быть уверены? – настаивает Скуарчалуло.

– Думаю, да.

– Мы слишком многим рискуем.

Ломбардо стоит, задумавшись. Потом снова пожимает плечами:

– Мы можем быть уверены. Я убежден.

– А что говорит капитан-лейтенант Маццантини?

– Он еще не вернулся.

– Она может донести на нас.

Ломбардо качает головой:

– Она давно могла это сделать.

Это точно, соглашается Скуарчалуло: и два месяца назад, когда эта женщина нашла на пляже Ломбардо, потерявшего сознание, и два дня назад в Альхесирасе. Разве что она не донесла, поскольку у нее есть какие-то свои соображения.

– Все-таки она же шла за нами, – заключает Скуарчалуло. – И сторожила нас.

Ломбардо искоса смотрит на товарища:

– А ты бы так не сделал?

– Не знаю, что тебе и сказать. Может, тут кроется какая-то хитрость... Сговор с англичанами.

Ломбардо снова смотрит на север бухты, где далекие рыбацкие домики Пуэнте-Майорга словно прочерчивают пунктиром темнеющую линию у самого берега.

– Наши агенты в этой зоне навели о ней справки, – говорит он через секунду.

Скуарчалуло устремляет на него испытующий взгляд:

– А ты?

– А что я?

– Но ведь это тебя она подобрала на берегу и притащила к себе в дом... Тебя она признала на днях. Ты с ней разговаривал. Ты рискуешь больше всех.

Ломбардо пожимает плечами:

– А следовательно, и вся группа. – Он смотрит прямо в глаза товарищу: – Ты это хочешь сказать?

– Более или менее.

– Она благоразумный человек, – во всяком случае, мне так кажется.

– И любопытный.

– Ну да, и это тоже... А ты бы таким не был на ее месте?

– Любопытство сгубило кошку.

Они обмениваются понимающими взглядами. Они уверены друг в друге. И тот и другой знают, что его товарищ в силу характера и профессиональной натренированности не позволит себе потерять голову. Поэтому их и отобрали в Десятую флотилию, и поэтому они находятся сейчас на борту «Ольтерры». Нужно нечто неизмеримо большее, чем обычная женщина, чтобы они наделали ошибок. И чтобы кто-то смог навлечь опасность на товарищей, соединенных братскими узами.

– Издалека она кажется красивой, – уточняет Скуарчалупо.

Оба улыбаются. Улыбка Ломбардо искренняя и открытая. Похоже, будто улыбается дельфин.

– Она недурна.

– И она не испанка, так ведь?... Слишком высокая.

Сказав это, неаполитанец напевает:

A chi piaccion gli occhi neri,
a chi piaccion gli occhi blu,
ma le gambe, ma le gambe
a me piacciono di più¹².

Едва слышный шорох слышится у них за спиной, на внутреннем трапе. Рядом с ними появляется капитан-лейтенант Лауро Маццантини; мало того что у него каучуковые подошвы, – у него еще и походка неслышная, точно у кошки.

– Что с пятым номером?

Оба водолаза вытягиваются по стойке смирно. Не то чтобы они подчинялись военному ритуалу – просто поддерживают старые традиции.

– Все в порядке, капитан-лейтенант. Действует на сто процентов.

Командир группы «Большая Медведица» кивает. Это худощавый и широкоплечий молодой человек атлетического телосложения. Он голубоглазый блондин с квадратным подбородком. Одет в гражданское, как и все: шорты, белая футболка и сандалии. Он протягивает Скуарчалупо «Corriere dei Piccoli»¹³. Знает, что неаполитанец обожает комиксы.

– Держи. Мне его дал наш вице-консул.

– Спасибо, капитан-лейтенант. А «Il Calcio»¹⁴ не было?

– Еще не доставили.

– А-а... а то я хотел почитать поподробнее о поражении, которое нанесли Риму неаполитанцы.

Офицер слушает его невнимательно. Сосредоточен он на чем-то другом.

– Надо погрузить на майале мины, – говорит он наконец. – Военно-морская разведка информирует о прибытии английского авианосца.

---

¹² Здесь: Кому голубоглазые, Кому-то кареглазые, А мне – чтоб ножки длинные, Вот все, что надо мне (ит.).

¹³ «Corriere dei Piccoli» («Курьер для самых маленьких», 1908–1995) – итальянский детский еженедельный журнал, первое итальянское издание, регулярно публиковавшее комиксы.

¹⁴ «Футбол» (ит.).

Лица обоих товарищей оживляются. Маццантини смотрит на далекий Пеньон, и на губах у него играет озорная улыбка: так улыбается ребенок, глядя на витрину кондитерской.

– Если не задует южный ветер, восточный пару дней продержит бухту в покое. Хорошо бы устроить англичанам скверную ночь.

Оба водолаза соглашаются. Скуарчалупо искоса поглядывает на Ломбардо и наконец решается:

– Мы говорили о той женщине, капитан-лейтенант.

Лицо офицера омрачает тень.

– А что с ней такое?

– Тезео спокоен, он ей всецело доверяет. – Неаполитанец показывает на своего товарища. – А я не так чтобы очень.

Ломбардо сверлит его глазами с осуждением. Но для Скуарчалупо это не имеет значения: между ними не может быть секретов. Одно из неписанных правил отряда «Большая Медведица» – все делить с товарищами: и подозрения, и надежды. Невысказанные мысли, хорошие или плохие, но удержанные внутри, могут иметь разрушительную силу и создадут проблемы. Поэтому все высказывается, подвергается анализу и обсуждается. Те, кто может вместе умереть, должны научиться вместе жить.

– Тогда, на берегу, она поступила со мной благородно, – возражает Ломбардо. – Она сказала обо мне только нашим.

– Это правда. Но два дня назад...

Маццантини прерывает их, подняв руку:

– Я попросил навести о ней справки наших агентов в Вилья-Кармела... Ее зовут Елена Арбуэс, и она потеряла мужа во время бомбардировки при Масалькивире. Муж был моряком торгового судна, которое достали английские снаряды. Она получает вдовью пенсию и держит книжный магазин в Ла-Линеа.

– А политическая деятельность?

– Никакой. Она не вступала в Фалангу¹⁵, и, по сведениям из гражданской гвардии, ее документы совершенно чисты. У нее также нет никаких подозрительных контактов на Гибралтаре.

– Но она преследовала нас в Альхесирасе, капитан-лейтенант, – не унимается Скуарчалупо. – Она узнала Тезео и сторожила нас в порту.

Офицер засовывает руки в карманы и качает головой, не отрывая взгляда от Гибралтара; пожалуй, он несколько встревожен.

– Да... Это брешь в нашей безопасности. Надо закрыть ее, так или иначе.

---

¹⁵ Испанская *Фаланга* (1933–1975) – ультраправая политическая партия Испании, в период правления Франсиско Франко – единственная официально действующая партия в стране.

3

Книжный магазин на Лайн-Уолл-роуд

Благодаря восточному ветру небо совершенно безоблачно, когда Елена и доктор Сокас переходят линию разграничения. Контроль очень строгий: миновав испанских гвардейцев, они встают в очередь в крытом бараке, где гибралтарские пограничники проверяют документы. Некоторых граждан досматривают сверху донизу. Службу несут полицейские в форме и английские солдаты в тропических панاماх, шортах и с примкнутыми к ружьям штыками.

Высокий, светловолосый *бобби*¹⁶, чья внешность контрастирует с сильным андалузским акцентом, узнает Сокаса и указывает ему на боковую дверь, где народу значительно меньше:

- Проходите здесь, доктор... Незачем вам стоять в очереди.
- Сеньора со мной.
- Пусть тоже проходит.

Их быстро пропускают; пограничники мельком бросают взгляд на их бумаги, и вот уже Елена и доктор Сокас идут по Спейн-роуд к военному аэродрому, где их останавливает предупреждающий вой сирены. Несколько солдат в голубой форме британских ВВС сооружают перед ними заграждение, и почти тут же два самолета касаются земли: слышится рокот моторов, скрип железа, и за ними тянется длинное облако пыли.

- «Спитфайры», – говорит Сокас. – Прекрасные истребители.

Доктор снимает панаму, чтобы лучше видеть, приставляет ладонь к глазам, закрываясь от солнца, и любуется самолетами с удовольствием человека, любящего технику.

– Не так прекрасны, как локомотив «Пасифик 462», но в них тоже есть свое очарование, – заключает он.

- И к тому же они летают, – добавляет Елена.
- О-о, то, что они летают, – их главная ценность. Ты когда-нибудь летала на самолете?
- Никогда.

– А я только однажды. Я признаю, авиация полезна для войны; но в мирной жизни, к которой мир когда-нибудь вернется, удовольствия от полетов люди получать не будут. Быстро преодолевать расстояния – это, конечно, весьма практично, но все-таки невозможно сравнить с вагоном первого класса в поезде, когда едешь с книгой в руках, любуясь в окно окружающим пейзажем. И можно дремать на удобном спальном месте под ритмичный стук колес.

Елена смотрит на него с улыбкой:

- Ты это серьезно, доктор?

– Конечно, серьезно. Такая молодая и образованная женщина должна быть восприимчива к подобным вещам. – Он смотрит на нее искоса, по-отечески. – И потом, во время путешествия может возникнуть какая-нибудь идиллия.

- Оставь эти идиллии, доктор, – вздыхает она.

– Ладно, назови, как хочешь: флирт, ухаживание, гламур, социальные контакты... Ты сейчас в расцвете жизни. Самый подходящий возраст.

- Да... самый подходящий, чтобы продавать книги.

– Не глупи. Разве можно сравнить воздушное путешествие в тесном пространстве самолета с огромными европейскими экспрессами? А бургундское вино, дрожащее в бокале, вагон-ресторан при электрических свечах в Голубом экспрессе или Восточном?

Лицо Елены становится серьезным.

- Сейчас эти поезда перевозят солдат.

---

¹⁶ *Бобби* – прозвище английских полицейских.

– Все вернется на круги своя, можешь не сомневаться.

Елена через силу слегка улыбается. Она-то знает: есть вещи, которые не вернутся на круги своя, и люди, которые никогда и никуда уже не вернутся. Война унесла их навсегда.

– А ты романтик.

Сокас поправляет галстук-бабочку и мечтательно смотрит на Елену из-под полей шляпы. На секунду кажется, будто его посетили грустные мысли, однако доброе расположение духа побеждает.

– Не стану отрицать, дорогая моя подруга... Я действительно такой и есть. Романтик.

Они проходят через туннель, пересекают площадь Больших Казематов и выходят на Мейн-стрит. Торговая улица колонии, такая оживленная перед вступлением Британии в войну, сейчас выглядит мрачновато. Ни голубое небо, ни белые фасады не могут развеять атмосферу печали: мало людей в гражданской одежде и много в военной форме, некоторые магазины закрыты, в других покупателей почти нет. Только перед лавками с хлебом, мясом, растительным маслом и табаком выстраиваются очереди из гибралтарцев и испанцев, почти целиком состоящие из мужчин. У входа в административные здания стоят вооруженные часовые, окна заклеены крест-накрест бумажными полосами и завалены мешками с землей. Напротив собора Санта-Марии в газетном киоске, подвешенные бельевыми прищепками, предлагаются вниманию прохожих журналы и газеты с громкими заголовками. «Вермахт на подступах к Сталинграду». «Королевские ВВС наносят удары по Дюссельдорфу и Бремену». «Британский морской конвой прорвал осаду Мальты».

У киоска они прощаются. Сокас покупает «Хронику Гибралтара» и «Эль-Кальпенсе» и с газетами под мышкой направляется вверх по улице к Колониальному госпиталю. Елена идет в ближайшие лавки за покупками: пара нейлоновых чулок в магазине «Серуйа», флакон туалетной воды «Золотой петух» от «Герлен», половина блока сигарет «Крейвен» – к счастью, здесь никто не спрашивает талоны на табак у женщин – и карманный электрический фонарик. Потом она наслаждается настоящим кофе в американском баре отеля «Бристоль», где у входа дежурит вооруженный часовой, и идет вниз по улице к порту; задерживается на углу перед большой дверью, рядом с которой на стене висит латунная табличка: «LINE WALL BOOKSHOP»¹⁷. Елена поднимается на второй этаж.

– Добрый день, профессор.

– Елена, какой приятный сюрприз. Проходи, пожалуйста. Будь любезна... Сумку оставь здесь, если хочешь.

Силтелю Гобовичу шестьдесят лет, у него белая борода, близорукие глаза и лохматая шевелюра. На нем мятые брюки, сандалии и рубашка в клетку, наполовину расстегнутая, так что видна грудь, покрытая седыми волосами. От него пахнет трубочным табаком и старой бумагой, что естественно, поскольку вот уже три десятка лет он хозяин магазина на Лайн-Уолл, где, кроме современных изданий, имеется обширный отдел редких и старинных книг; жилье Гобовича находится над торговым залом и соединено с ним винтовой лестницей. В годы испанской Гражданской войны он вместе с отцом Елены скрывался на Гибралтаре. Елена выучилась в его книжном магазине английскому языку и ремеслу, которое нынче ее кормит.

– Что ты делаешь по эту сторону решетки?

– Покупки. Надо кое-что приобрести.

– Тебе ведь лучше кофе, чем чай... Сварить тебе?

– Я только что выпила в «Бристоль».

– Ну, тогда чаю.

Они сидят на террасе, откуда открывается панорамный вид на порт и бухту: на берегу – батареи ПВО, которые защищают постройки, краны, пакгаузы и топливные склады, в море

---

¹⁷ «Книжный магазин „Лайн-Уолл“» (англ.).

– серые громады военных кораблей, пришвартованных к молам, а чуть дальше, за дамбой, темнеют торговые суда. По другую сторону, на некотором расстоянии, проступают голубоватые и четкие очертания Альхесираса.

– Ты по-прежнему пьешь без сахара?

– По-прежнему.

Они пьют чай и разговаривают о книгах и о войне: о проблемах с поставками, о том, что читают и что не читают гибралтарцы и жители Ла-Линеа, о состоянии дел в магазине Елены. Силтель Гобович раскуривает трубку и обводит рукой пейзаж:

– Когда начинают бомбить, я выхожу сюда посмотреть... Похоже на пиротехническое представление. Война завораживает.

– Но это опасно, профессор. Порт совсем близко.

– Да, знаю. Это еще больше обостряет восприятие.

Елена смотрит на окна верхнего этажа.

– А что думает об этом Сара?

Хозяин книжного магазина следит за взглядом Елены и грустно улыбается:

– Бедняжка все послала к чертям. Она говорит, я ненормальный; помогаю ей спуститься в убежище вместе с соседями, которые у нас еще остались, а потом снова поднимаюсь сюда.

– Как она?

– Как обычно... Она никогда не отличалась крепким здоровьем, а от всего этого еще больше ослабела. Потому и не эвакуировалась со всеми прочими. Хорошо еще, рассудок у нее вполне себе ничего и потребности минимальные. Кроме того, это счастье, что англичане считают книги предметом первой необходимости во время войны и позволяют мне оставаться на Гибралтаре.

– Она вам по-прежнему помогает?

– Сейчас совсем мало. У нее сильная астма, а книжная пыль только ухудшает положение. Так что управляюсь сам, как могу.

– Я бы хотела ее повидать.

– Она спит. Уже некоторое время, как она не встает раньше полудня. – Гобович заботливо наклоняется к Елене. – А как твой отец?

– Хорошо... Вернулся в Малагу и там остался. Старее в одиночестве и ворчит, как всегда. Переводит своих древних классиков.

– Ты с ним видишься?

– Редко.

– Власти его не донимают?

– Почти нет. В первые месяцы после возвращения он должен был регулярно отмечаться в гражданской гвардии. Но уже довольно давно его оставили в покое. Ему шестьдесят семь лет – сочли, что он безобиден.

– На что он живет?

– У него свой дом, его удалось сохранить. Иногда я посылаю ему кое-какие деньги.

– Это большая удача, что он смог укрыться там, пока идет война. Многих моих знакомых преподавателей вузов и школьных учителей расстреляли.

– Да, ему повезло.

– Мне тоже повезло. Благодаря всему этому мы с тобой работали вместе.

Трубка у Гобовича погасла, и он снова ее раскуривает. Елена рассматривает магазин, где книги не только стоят на стеллажах, но и пачками высятся на столе и на полу.

– Читатели-то есть по-прежнему?

Хозяин магазина качает головой и выпускает облако дыма.

– Сейчас народу немного: кое-кто из офицеров, матросов и солдат да пара местных библиофилов. Книгу Дринкуотера об осаде тысяча семьсот девяностого года выхватили у меня из

рук, как только появился экземпляр, и вчера я продал подшивку «Морской газеты» за тысяча восемьсот первый год за два фунта одному капитану Королевского флота... Но это исключение. Война вывернула у людей карманы.

– Стихи, я думаю, все равно хорошо продаются.

– А вот и нет. Сейчас востребован современный роман: тайны, полицейские расследования, приключения... От Эдгара Уоллеса до Сабатини. Развлечение гарнизонной жизни.

Он на секунду отпускает трубку и, кивнув на стеллажи, разводит руками, показывая собственное бессилие.

– Здесь бы надо произвести полную инвентаризацию, – поясняет он. – Сделать карточки на последние поступления. Но я так устаю; бывают дни, когда вообще ничего не хочется делать. Тогда я остаюсь наверху с Сарой, читаю, слушаю музыку или ловлю новости по Би-би-си.

– Я могу как-нибудь прийти и помочь.

– Я не хочу тебя затруднять. – Он смотрит на нее в нерешительности. – У тебя своих дел хватает.

– Никакое это не затруднение. У меня в магазине дела идут хорошо. У меня есть помощник, которому я доверяю.

– Давно я у тебя не был. Не проходил через решетку.

– Точно так, но это ничего.

Хозяин магазина хмурит брови и становится серьезным.

– Не нравится мне эта Испания Франко. Мне не по себе, ты знаешь... Как-то мрачно все.

– Не только вам, сейчас у многих так. У меня те же мысли всякий раз, когда я прихожу на Гибралтар.

– Теперь ты понимаешь, какое для меня удовольствие твой визит. И если выдастся свободный день и тебе захочется стереть пыль со старых книг, как когда-то, ты знаешь, где они находятся. Я всегда буду рад... Плохо то, что мне нечем заплатить.

– Пожалуйста, без глупостей. В этом нет необходимости.

– Я же говорю, времена тяжелые.

– Я у вас в долгу, профессор. Я была так счастлива здесь: я научилась и языку, и ремеслу. Я бы, наверное, осталась с вами, если бы не...

Она умолкает, нахлынувшие воспоминания противоречивы: они горькие и сладкие одновременно. Она обхватывает себя руками, будто ей холодно, а Гобович не отрывает от нее сочувственного взгляда, полного доброты и нежности.

– Ведь это здесь ты с ним познакомилась, да?

Она кивает. Потом впервые за долгое время произносит его имя вслух:

– С Мигелем.

– Да-да, с Мигелем... Видный парень, я видел его дважды: первый – как раз тогда, а второй – в Альхесирасе, на вашей свадьбе. Ты была самая красивая невеста, какую я только видел в жизни.

– С того первого раза прошло три года... Он попросил книгу Финдлея «Северная Атлантика».

– А у нас она была?

– Была.

– Стало быть, он забрал и книгу, и тебя.

Елена медленно качает головой:

– Все было не так просто. И не так быстро.

На самом деле именно так и было. Судно, пришвартовавшееся в те дни на Гибралтаре, называлось «Монтеарагон»: для него это был первый гражданский рейс после восстановления торгового флота, как и для старшего офицера, который три с половиной года войны проплавал на крейсере «Адмирал Сервера». Этому моряку нравились старинные трактаты о навигации, и

кто-то сказал ему, что в магазине на Лайн-Уолл таковые имеются. В этом он признался позднее. «Я вошел в магазин, увидел тебя в окружении старых томов, словно озаренных светом твоего присутствия, и подумал: на этой женщине я женюсь. Так я и сделал».

– Одиннадцать месяцев брака – это не так уж много, – замечает Гобович.

– В общем-то, да... Не так уж.

Дом в Пуэнте-Майорга принадлежал его семье, а порт приписки судна был Альхесирас; они поселились в этом доме, и Елена начала привыкать к своеобразному быту жены моряка. Из одиннадцати месяцев супружества они едва ли провели вместе три, включая медовый месяц: то месяц, то две недели, или неделя, потом три дня, потом неделя, одиннадцать дней, две недели, девять дней... И когда он навсегда исчез в Масалькивире, они все еще были не слишком хорошо знакомы друг с другом. Возможно, думает она, это к счастью, что не были. Короткий кусочек жизни, который не успел ни превратиться в рутину, ни нанести ущерб отношениям. Нечто прекрасное в скобках, нежный, неуловимый сон.

На минуту облако закрывает солнце. А когда оно вновь открывается, бухта и порт сверкают ослепительными вспышками, на фоне которых выделяются серые и черные пятна корабельных силуэтов. На мачте ближайшего судна гордо развевается на ветру британский флаг.

Вернувшись в настоящее, Елена прикрывает глаза от слепящего света и грустно улыбается:

– Я храню эту книгу до сих пор.

Пытаясь сплести различные версии этой истории, рассказанной несколькими людьми, я так и не понял, почему случилась новая встреча Елены Арбуэс и Тезео Ломбардо. И я до сих пор не знаю, была ли это личная инициатива итальянца или он выполнял приказ. На последнее предположение меня навел Дженнаро Скуарчалупо, который, сидя за столиком закусочной в Неаполе, уверял меня – я храню эти заметки и магнитофонную запись, – что его товарищ действовал согласно прямым указаниям капитан-лейтенанта Маццантини, поскольку тот решил разузнать, чего можно ожидать в такой деликатной ситуации от женщины, слишком много знавшей об отряде «Большая Медведица». Однако после встречи со Скуарчалупо я дважды разговаривал в Венеции и с самой Еленой, и она, не таясь, упомянула о том эпизоде, подчеркнув, что именно Ломбардо по собственной инициативе появился в Ла-Линеа накануне новой атаки на Гибралтар. Как она уверяла, речь не шла ни о тактических расчетах, ни о чувствах. Или, что наиболее вероятно, как раз тогда и появились чувства, которые привели к сложным и опасным последствиям.

Ясно одно: в этом вопросе, решающем для того, что произошло позднее, чрезвычайно трудно установить истину. По крайней мере, неопровержимую истину. Когда я наконец взялся написать эту историю – через сорок лет после публикации нескольких репортажей в испанской газете «Пуэбло», где я ограничился тем, что рассказал эпопею о корабле-призраке и о тех, кто тогда боролся и умирал (я назвал статью «Троянский конь на Гибралтаре», даже не представляя себе, что однажды из нее выйдет целый роман), – так вот, когда я наконец решился, хозяйки книжного магазина в Венеции и ветерана-водолаза уже не было в живых. Скуарчалупо скончался вскоре после нашего интервью, а о смерти Елены я узнал в новогоднюю ночь накануне 1997 года. Приехав в город, я пошел в книжный магазин и увидел, что он называется уже не «Ольтерра», а «Линеа Омбра», и новая владелица ввела меня в курс дела. Действительно, из тех, кто застал атаки итальянцев на Гибралтар в 1942–1943 годах, не было в живых уже никого. Так что об истории Елены Арбуэс и Тезео Ломбардо я тогда собрал не так уж много свидетельств: записки местного комиссара полиции, о котором я расскажу позднее; упоминание о тех событиях в мемуарах под названием «Глубина и безмолвие», написанных капитаном третьего ранга Ройсом Тоддом, да несколько строк в «Маленьком Уилсоне и большом Боге», автобиографии Энтони Бёрджесса, который служил в британской колонии во время войны.

Остальное мне приходится домысливать, иногда сдабривая подробностями, предоставленными мне косвенным свидетелем, который жив до сих пор: это гибралтарец по имени Альфред Кампелло, сын одного из тех, кто близко соприкасался с тогдашними событиями.

Итак, самое важное – то, что произошло в день возвращения Елены Арбуэс с Гибралтара. Когда она вечером работала у себя в магазине на улице Реаль – в правом верхнем углу на первой странице каждого только что полученного издания надписывала карандашом цену, – вдруг звякнул дверной колокольчик, и, подняв глаза, она увидела на пороге Тезео Ломбардо.

Оба не произносят ни слова, пока идут к морю. Она чуть впереди, он за ней. Идут наугад, без определенного маршрута. Они вместе покинули магазин и медленно шагают куда глаза глядят – туда, где свет чередуется с темнотой. Они даже не взглянули друг на друга. И не обменялись ни одной фразой, если не считать слов «добрый вечер», произнесенных Ломбардо, и «что вы здесь делаете», сказанных Еленой; вместо ответа он неуверенно, почти смущенно улыбнулся. И все; последовало молчание, скорее напряженное, чем неловкое, – оба не столько были в замешательстве, сколько, возможно, выжидали. Потом она попросила Курро остаться в лавке, проследовала мимо итальянца, не разжимая губ и не поднимая глаз, и вышла на улицу, где надо было соблюдать осторожность: до улицы Реаль с ее Торговой палатой, «Англо-испанским кафе» и бесчисленными барами было два шага. Поэтому Елена идет немного впереди, пересекает по диагонали церковную площадь и направляется к улице Мендес-Нуньес, которая упирается в пляж Поньенте. Она ни разу не оборачивается, но слышит его шаги, сначала позади, потом рядом с собой. И, когда город остается за спиной, а впереди проступает море, она повторяет вопрос:

– Что вы здесь делаете?

Она наконец оборачивается и смотрит на него: белая рубашка с закатанными рукавами, смуглый профиль и темные очки, в которых отражается двойное солнце, клонящееся к закату. Главный старшина Тезео Ломбардо, она помнит. Итальянский флот.

Он отвечает не сразу:

– Я подумал, может, я заберу часы, компас и глубиномер, которые забыл у вас в доме.

Снова этот легкий итальянский акцент, отмечает она. Слова мягко растягиваются, а в конце фразы интонация слегка повышается.

– Вы так подумали?

– Да.

– Они вам опять понадобились?

На этот раз итальянец не отвечает. Он стоит неподвижно, глядя на море, сунув руки в карманы, и легкий бриз раздувает воротник его рубашки. Он напоминает, думает Елена, одну из тех старинных статуй не то богов, не то людей, бросивших вызов богам; впрочем, между теми и другими почти нет различий.

– Я вам их верну, – говорит она немного погодя.

– Спасибо.

Вблизи виднеется волнорез Сан-Фелипе, старая пристань из камней, которая выдается в море, успокоенное слабым восточным ветром. С обеих сторон на берегу, где пестрят пятна водорослей и сгустки нефти, воткнулись в песок баркасы, на которых кое-кто из рыбаков осматривает и чинит сети. Тут и там ожидают выхода в море сложенные в кучу рыболовные переметы, а на расстеленном брезенте сохнут на солнце осьминоги. Ветер доносит запах рыбы из котелка, что висит над костром конопатчика.

– Здесь красиво, – говорит Тезео Ломбардо.

Елена не отвечает. Она убирает со лба непослушную прядь и смотрит на Пеньон – он совсем близко – и на корабли, стоящие на якоре недалеко от берега. Сегодня их целая дюжина разных размеров: большие купцы, нефтяные танкеры и малокаботажные пароходы. На неко-

торых флаги нейтральных стран: либо они развеваются на мачтах, либо цвета национального флага обозначены на корпусе, хотя на большинстве судов ветер треплет красное полотнище британского торгового флота; и только на одном корабле, черном и длинном «Либерти», – звездно-полосатый американский флаг.

– Говорят, готовится очередной конвой, – наконец произносит Елена.

Итальянец молчалив; он будто не слышит ее слов. Пожимает плечами, оборачивается к ней. От неожиданности она смущается. Но быстро берет себя в руки.

– Возможно, – говорит он. – Почему вы так на меня смотрите?

– Из-за вашего выражения лица. Если бы у меня был фотоаппарат, я бы сделала снимок.

Вы похожи на волка перед стадом беспомощных овец.

С виду она спокойна, но внутри ее сотрясает нервная дрожь. И тут она видит, что он улыбается: будто луч света прорезает белой полосой загорелую от солнца и моря кожу.

– Не совсем так, – мягко возражает он. – У этих овец есть пастух и сторожевые собаки.

Оба они смотрят на корабли.

– Я техник на борту «Ольтерры», – добавляет он. – Занимаюсь починкой, только и всего.

Елена смотрит на него в крайнем удивлении:

– Вы явились из Альхесираса, чтобы мне это сказать?

– Может быть.

Она медленно качает головой, словно пытаясь убедить в этом себя.

– Вы говорите, что вы моряк.

– Ну да.

– А в свободное время, по вечерам, саботажник?

Он не отвечает, только бесстрастно смотрит на море. Они стоят плечом к плечу, совсем близко друг от друга. Эта близость смущает Елену, и ей стоит труда не показывать волнение. Она опасается, что он заметит, до чего ей не по себе; и еще – что она может сделать нечто такое, о чем потом пожалеет. И потому, когда она снова начинает говорить, ее слова звучат неожиданно резко:

– Боитесь, что я на вас донесу?.. Поэтому и пришли... чтобы убедиться в своей безопасности?

Он снимает темные очки и смотрит на нее пристально, почти с болью, как смотрел бы любой человек, если бы его обвинили в том, чего он не делал.

– Вы заслуживаете объяснений.

Звучит искренне. Вполне – может, даже слишком. Кто его разберет? Либо он хороший парень, думает она, либо потрясающий актер. Либо и то и другое.

– Которых вы, разумеется, не дадите.

Сердце у нее колотится, и, пытаясь это скрыть, она говорит жестко. Его ясные глаза, чуть потемневшие в лучах закатного солнца, не отрываясь смотрят на нее. *Glaucopis* по-гречески, вспоминает она. Зеленые, как у Афины светлоокой.

– А вы их ждете?.. Объяснений?

– Я не настолько наивна.

– Я не за этим пришел. И вы понимаете, почему я не могу вам их дать.

Елена, занятая своими ощущениями, слушает невнимательно. Нервную дрожь сменяет странное или, возможно, почти забытое чувство: замешательство уступает место приятной уверенности в себе, почти физической. Как будто иссохшая душа вдруг напиталась влагой.

– А вы сами откуда?

Мгновение он смотрит на нее в нерешительности, то открывая, то закрывая дужки солнечных очков. Она едва различает в его глазах быструю смену всех «за» и «против». Наконец он сдается:

– Я родился в Венеции.

– Вы серьезно?

– Конечно. – Он зацепляет очки за пуговицу рубашки и показывает на лодки в песке около волнореза. – Я вырос в мастерской, где делали гондолы.

– Гондолы?.. Вы шутите.

– Да нет, так и есть.

Вдоль берега идет моторная лодка. Серая, с британским флагом на борту и четырьмя вооруженными матросами. Бесцеремонно войдя в испанские воды, она медленно лавирует между торговыми судами, стоящими на якоре. Итальянец следит за ней взглядом, пока она не скрывается из виду в направлении порта и Пеньона.

– Настанет день, и все это пройдет, – говорит он. – Я имею в виду, все плохое.

Она с сомнением качает головой:

– Не уверена. Кончается одно, начинается другое.

Он наклоняется и поднимает камешек: круглый, гладкий, отполированный морем. Потом выпрямляется, замахивается и бросает камешек сильным и точным движением – тот подскакивает несколько раз на поверхности воды и лишь затем тонет вдалеке.

– Вы все еще долго здесь будете? – спрашивает она и тут же об этом жалеет.

Итальянец делает неопределенный жест.

– Я не понимаю этого множественного числа... Мой испанский не всегда в полном порядке.

– Я имею в виду вас и ваших товарищей.

Он снова смотрит в море, туда, где корабли. Он молчит и таким образом уходит от ответа.

– Я бы хотел увидеть вас снова, – говорит он наконец, не глядя на нее.

– Чтобы забрать часы.

– Ясное дело.

Неожиданно оба смеются. Весело и открыто. Словно у них появилась общая тайна.

– Могу я называть вас по имени?

– Что ж... Вы же знаете, как меня зовут.

– Но я могу вас так называть? – настаивает он.

– Ну конечно.

– Почему вы мне тогда помогли, Елена?..

Она вдруг успокаивается. Воспоминания приходят ей на помощь, и она чувствует, что владеет собой. По крайней мере, она хозяйка тому, что говорит и чувствует. И сердце бьется в нормальном ритме.

– Вы читали Гомера?

– Не так много.

– Улисс.

– Ах да.

– Я, пожалуй, постарше Навсикаи...

– Кого?

– Это девушка, которую он встретил на берегу.

– Вот оно что.

– Мне побольше лет, чем ей, я же говорю; я была тогда совсем юная, но хорошо помню свои ощущения. Когда я была студенткой, отец велел мне перевести тот пассаж из «Одиссеи», песнь шестая... Когда в море произошло кораблекрушение.

– Понимаю.

– Не думаю. Сомневаюсь, что вы понимаете.

Похоже, теперь смущается итальянец. Он хмурит брови, будто стараясь не потерять лицо, и Елене он снова кажется уязвимым, как в тот день, когда лежал на полу в ее доме и ждал, когда за ним приедут.

– Я знаю, что вы вдова. Что англичане...

Она поднимает руку, прерывая его:

– Я не хочу об этом говорить.

– Простите.

– Вы не имеете права.

– Я сожалею.

Растерянный, он немного отстраняется от нее. Смотрит себе под ноги, будто ищет еще один камешек, чтобы бросить в воду, но вокруг только пустые ракушки, клубки сухих водорослей да сгустки смолы.

– Я должен уехать, – произносит он наконец. – Надолго.

Сердце у нее останавливается. Оно пропускает удар или даже больше. Может быть, два удара.

– Это опасно?

– Возможно... Но если я вернусь, я бы хотел увидеть вас снова.

Он говорит это, пытаясь улыбаться, на лице смешанное выражение уверенности и простодушия.

– Увидеть меня, – шепчет Елена.

– Да.

Темная пустота открывается перед ней и где-то в глубинах ее сознания. Или в глубинах памяти.

– Чтобы забрать часы, компас и глубиномер, – уточняет она, пытаясь поддержать легкомысленный тон.

Он медленно кивает:

– Именно так.

– Предупредите меня заранее.

– Я сообщу... Или другие сообщат.

– Нет, – твердо говорит Елена. – Я знаю, что это такое, когда сообщают другие. В таком случае предпочитаю ничего не знать.

Каждый день из окна своего кабинета Гарри Кампелло видит Трафальгарское кладбище. Когда ему нужно расслабиться или подумать, он спускается, пересекает Европа-роуд и съедает сэндвич, сидя на кладбищенской каменной скамье и слушая пение птиц, у могилы капитана Томаса Нормана, который скончался от ран, полученных в морском сражении на корабле «Марс» 21 октября 1805 года. Кампелло тридцать шесть лет: согласно надписи на надгробной плите, столько же было капитану Норману, умершему после длительной агонии в морском госпитале. Пребывание на кладбище побуждает Гарри задуматься о хрупкости человеческой жизни и человеческих начинаний, особенно в эти времена. К счастью для него, хоть он и участник боевых действий, происходят они не среди дыма и взрывов в морских боях на линии разграничения и не на борту одного из современных судов, пришвартованных в порту, а в кабинете, где рабочая обстановка состоит из стола, двух стульев и стеллажа с архивными документами; на главной стене, по обе стороны от портрета короля Георга VI, красуются две географические карты с таинственными пометками, смысл которых известен только самому Гарри: одна – карта колонии, другая – карта бухты, включая Пеньон и Альхесирас.

У могилы капитана Нормана Гарри Кампелло сидит без пиджака, ослабив узел галстука, расстегнув рубашку и сдвинув на затылок шляпу; он курит сигарету, глядя, как птицы клюют последние крошки от его сэндвича с сыром и сладким перцем, которые он им набросал. Он поднимает глаза и видит за оградой своего помощника Ассана Писарро, застывшего в позе почтительного ожидания, пока Кампелло не обратит на него внимание; Писарро рыжий, веснушчатый, очень худой, и у него нервные руки.

- Чего тебе, Ассан?
- Ростбиф готов, комиссар.
- Я тебе тысячу раз говорил, чтобы ты не называл меня комиссаром на улице.

Помощник озирается. Одно веко у него полуприкрыто из-за шрама, который проходит через бровь. В стычке с контрабандистом табака за пару лет до войны Ассан едва не остался кривым на один глаз. Впрочем, другому участнику драки пришлось гораздо хуже: на него надели наручники. Вернее сказать, хуже пришлось тому, что от него осталось, после того как их надели.

- Так ведь нет никого.
  - Все равно... – Кампелло недовольно смотрит на него. – Что там с ростбифом?
- Ассан заговорщицки подмигивает ему здоровым глазом:
- Когда пожелаете. Все готово.
  - Сейчас иду.

Кампелло вздыхает, стряхивает крошки на землю и встает, распуская птиц. Он небольшого роста и крепкого телосложения: у него плечи борца и крупные ладони, как будто готовые в любой момент сжаться в кулак для удара. Его лицо только подтверждает эту мысль: на нем множество шрамов – оспины остались после ветрянки, перенесенной в детстве, – а широкий и плоский нос придает ему вид не то гангстера, не то полицейского из американского фильма; близкие называют его Кэджи, намекая на актера Джеймса Кэгни, с которым у Кампелло есть определенное сходство. Такая внешность очень подходит к его должности комиссара местной полиции: в этой должности он руководит Гибралтарским отделом службы безопасности, невоенной структурой, которая напрямую подчиняется губернатору Пеньона и самостоятельностью обладает чрезвычайной. Занятый репрессиями за саботаж в пользу врага, «Отдел», как называют его организаторы, – тайная левая рука, которая отмывает правую руку британцев. Короче говоря, эти люди занимаются самой грязной шпионской работой.

- Кампелло смотрит на часы.
- Эти козлы не удосужились сделать ростбиф помягче.
  - Мясо было жестковато.
  - Да уж.

Вернувшись к себе в контору, трехэтажное здание с подвалом, Кампелло идет в кабинет, где надевает пиджак и забирает документы с деревянного подноса, лежащего на столе рядом с фотографией жены и троих детей; согласно последнему письму с маркой Северной Ирландии, они по-прежнему живут в одном из отелей для беженцев в Белфасте. Потом он спускается в подвал, разделенный на камеры, каждая с висячим замком на двери. Последнее помещение, с голой лампочкой, свисающей с потолка, предназначено для допросов. В комнате за столом сидит человек, уронив голову на скованные руки, а рядом стоят двое охранников. Кампелло входит, садится на стул и кладет на стол документы.

- Если дашь показания, на этом закончим.

Арестованный поднимает голову. Он совсем молодой, с двухдневной щетиной, его волосы спутаны и нечесаны, и, хотя глаза покраснели от боли и недосыпа, на лице не видно никаких следов насилия: ни синяков, ни других видимых отметин. Безупречная работа. Кампелло переводит одобрителный взгляд на тех, кто стоит позади арестованного. Оба здоровенные, с тупыми, невыразительными лицами. У одного волосы цвета соломы и бледная кожа; другой смуглый, как все жители Средиземноморья. Оба в рубашках с закатанными рукавами; как все в Отделе, оба в гражданском. Бейтман – валлиец, он из британской армии; Гамбаро – из местной полиции.

Арестованный смотрит мутным взглядом на документы, которые Гарри Кампелло положил перед ним на стол. Четыре машинописные страницы и две копии под копирку.

- Тут все про взрывы? – спрашивает он хрипло.

– Полагаю, да.

– Полагаете?

Комиссар кивает. Он вынимает из кармана пачку сигарет «Голд флейк» и протягивает одну арестованному:

– Бери.

Юноша не обращает внимания на сигарету – он глядит на документы, но к ним не прикасается.

– Я же признался, – говорит он.

Кампелло довольно улыбается:

– И правильно сделал, сынок. Всегда хорошо облегчить совесть.

Юноша совершенно сломлен. Он вдруг жадно бросается читать лежащие перед ним страницы, будто в этих строчках мелькнет абрис надежды. Но, не дочитав до конца, хмурит брови, прерывает чтение и смотрит на комиссара.

– Я рассказал обо всем, что сделал и что знаю, – говорит он. – Но насчет взрывов – это вранье... Никакого динамита в магазине спрятано не было.

– Ты мог его приобрести раньше, так ведь?

– Я ничего об этом не знаю.

– Как это не знаешь?

Юноша искоса смотрит на Бейтмана и Гамбаро.

– Этот динамит они подбросили, когда пришли меня арестовывать.

Кампелло поднимает брови и сурово замечает:

– То, что ты утверждаешь, очень серьезно.

– Серьезно то, что они со мной сделали.

Комиссар молчит, словно раздумывая. Потом пожимает плечами:

– Какая разница, кто его подбросил, парень?

– Очень даже большая.

Кампелло предостерегающе поднимает указательный палец:

– Так это ты взорвал пороховые склады «Рэггед стафф»?

Юноша закрывает лицо скованными руками:

– Может быть.

Кампелло показывает на документы:

– Не будем начинать все сначала, хорошо?.. Ты признался, что это был ты.

– Меня вынудили.

Бейтман и Гамбаро делают шаг вперед, но комиссар останавливает их взглядом.

– Ну вот и ладно, – отмечает он. – Ну вот и ладно, сынок. Тебя все равно повесят.

– Но это был не мой динамит.

Кампелло упирается в стол локтями. Он старается быть убедительным.

– Смотри... чей он был или где он есть – это технические детали. Имеется законное доказательство, с помощью которого правосудие приводится в действие. Ты саботажник, который действует в интересах разветвленной сети испанской Фаланги, а она, в свою очередь, работает на немцев и итальянцев... Это доказанный факт, так?

Арестованный едва заметно кивает.

– И мы тебя заарканили, – продолжает Кампелло. – Ставим точку. А в ходе дружеской беседы ты нам во всем признался, разве нет?.. Здесь финальная точка.

– Меня пытали. Меня били в живот мокрым полотенцем. Со мной делали такие вещи, которые...

– Да ладно, хватит уже. – Кампелло смотрит на своих людей, будто ищет подтверждение или, наоборот, опровержение этим словам. – Так все говорят, правда?

Бейтман и Гамбаро кивают невозмутимо, словно сторожевые псы. Комиссар указывает на арестованного и твердо заявляет, тыча пальцем в документы:

– Если ты это подпишешь, мы оставим тебя в покое. Понимаешь меня?... Пойдешь в Мавританский замок, где в удобной камере будешь спокойно есть и спать. Сорок два часа ты не смыкал глаз, так что и ты отдохнешь, и мы отдохнем.

– А потом?

– Потом тебя быстренько осудят, и все закончится. Это очень по-британски. Если захочешь себя показать, перед оглашением приговора сможешь даже произнести коротенькую речь. Стало быть, газеты Франко будут говорить, что ты классный парень, герой.

– Но это был не мой динамит.

– Дался тебе этот динамит. Слушай, сынок... Твой или не твой, конец будет один. Но если ты не подпишешь бумаги, чтобы облегчить нам жизнь, вот эти мои друзья будут вынуждены продолжать тебя убеждать. И поверь: не стоит продлевать тяжелые времена. – Кампелло подвигает документы и достает авторучку из внутреннего кармана пиджака. – Ну давай, поставь свой росчерк и можешь закурить сигарету.

– Я не курю.

– Ладно, но расписываться-то умеешь. Ты посмотри, какая прелесть эта авторучка «Уотерман». – Кампелло вертит авторучку в руках. – Куплена в «Бинленд, Малин и компания», на Мейн-стрит, как раз неподалеку от того места, где ты работаешь или работал... С синими чернилами. Вот увидишь, как хорошо она пишет.

Юноша снова начинает читать документ и, прочитав несколько строчек, поднимает голову. Слеза скатывается у него по щеке и повисает на небритом подбородке.

– У меня есть невеста, – шепчет он печально.

Кампелло отечески кивает:

– Да, в Сан-Роке, как же, знаю... И вот еще радость для тебя: если не будешь хныкать и произнесешь на суде красивую речь, твоя невеста будет тобой гордиться. Не говоря уже о твоих родителях. Слушай, посмотри на это дело с положительной стороны. Не каждому из нас дается возможность устроить собственное прощание, как нам хочется.

Я уже начал писать эту историю, когда познакомился с младшим сыном Гарри в его доме в Марбелье. Я не был уверен, насколько он способен помочь мне распутать клубок событий, но нужно было попытаться. Множество нитей вело меня к его отцу, живых свидетелей того, что происходило в 1942–1943 годах, уже не осталось, а Альфред в то время был трехлетним ребенком и находился в Белфасте с матерью как беженец.

– Приезжайте, когда вам удобно, – сказал он мне по телефону. – Буду рад.

Мы договорились пообедать в отеле «Пуэнте-Романо», и там я его и увидел: крепкий, прекрасно сохранившийся мужчина с блестящей памятью. Он был очень похож на своего отца на той фотографии, которую я увидел позже, рядом с фотографией его матери, у него в доме. Сын начальника Гибралтарского отдела службы безопасности оказался приятным собеседником, а его испанский отличали андалузский акцент и обильная россыпь англицизмов. Уже пятнадцать лет как он вышел на пенсию, отработав в страховой компании «ГИБ», но держал себя в форме и играл в гольф. Он прочитал пару моих книг, и это облегчало мне задачу. Он пригласил меня на кофе к себе домой на юге Новой Андалузии, опрокинул двойной виски – еще один двойной он приговорил за обедом – и ответил на остальные мои вопросы, ни разу не уходя от темы. Я понял: он наслаждается воспоминаниями.

Мы сидели в удобных креслах в его гостиной с видом на залитый солнцем, но пустынный пляж: дело было в ноябре. В какой-то момент посреди разговора он встал, подошел к камину, что-то взял с полки и вернулся ко мне, с улыбкой протягивая какой-то предмет.

– Знаете, что это такое?

Я взял предмет в руки, чтобы как следует рассмотреть. Это был старый нож с широким лезвием в двадцать сантиметров длиной, обоюдоострый, с деревянным черенком, привинченным тремя болтами к рукоятке, в ножнах из черненого металла с остатками узоров.

– Догадываюсь.

– Догадываетесь правильно. У вас в руках подлинный *coltello pugnale*¹⁸, находившийся на вооружении отряда «Большая Медведица». Он принадлежал одному итальянцу, принимавшему участие в атаках на Гибралтар. Итальянец этот, понятное дело, на базу не вернулся.

– Это вещь вашего отца?

– Да. В детстве я любил с ним играть, хотя отец редко мне разрешал. Это принадлежало храброму человеку, говорил он, прежде чем взять нож у меня из рук.

– А вы знаете того водолаза, у которого он был?

Альфред кивнул, забирая у меня нож:

– Его звали Лонго.

– Это отец вам сказал?

– Нет, я узнал позже. – Он наполовину обнажил клинок и резко засунул его в ножны. – Отец говорил, будто понятия не имеет, чей он, но это не так. – Он понимающе улыбнулся. – Любопытно, да?.. Обычно те, кто пережил войну, не любят рассказывать о ней своим детям.

– Это правда. Думаю, они предпочитают держать эти воспоминания на задворках памяти. Не отравлять их угрызениями совести, что ли.

– Или стыдом, – заметил я без всякой задней мысли.

Он посмотрел на меня с любопытством. Очень пристально.

– Да, – согласился он через секунду. – Может быть.

И он рассказал мне, как оружие попало к Гарри Кампелло: в результате одного ночного налета на итальянских управляемых торпедях. Водолазы отчаливали в море с торгового судна, пришвартованного в Альхесирасе, чье тайное назначение не было известно никому до самого конца войны. Британцев с ума сводили эти атаки, которые, как они думали, запускались с подводных лодок. Воды Гибралтарского порта были битком набиты всевозможными препятствиями: заградительные сетки, прожекторы и морские патрули, бросавшие глубинные бомбы, которые взрывались через каждые десять минут. Но, несмотря на все трудности, водолазы все равно атаковали.

– Итальянцы заслужили себе дурную славу на войне, вы же знаете: Абиссиния, север Африки... солдат не считали героями; даже фильмы есть про это. Но когда об этом заходил разговор, отец не выносил, если кто-нибудь выказывал им недостаток уважения. Придет день, и я вам расскажу, на что были способны итальянцы, говорил он. Но так и не рассказал; по крайней мере, не всё. Избегал разговоров о тех временах. Я только потом узнал, что он имел в виду.

Альфред поднялся с кресла, сделал мне знак следовать за ним, и мы перешли к встроенному шкафу, витрина которого была сплошь заставлена книгами и папками. Альфред надел очки для чтения, открыл шкаф и указал на длинный ряд тетрадей в кожаных переплетах.

– Шестнадцать лет, с тридцать девятого по пятьдесят пятый год, мой отец записывал разные события, произошедшие у него на работе. – Он взял одну из тетрадей и протянул мне. – Даты и факты воспроизведены в точности... Никто, кроме него, не открывал эти тетради до самой его смерти.

Я полистал тетрадь, помеченную 1940 годом. Листы были сплошь исписаны мелким убогим почерком. Испанский язык чередовался с английским.

– Когда он умер?

---

¹⁸ Боевой нож (ит.).

– Семнадцать лет назад. И я понял, почему он молчал: то, что он записывал, не всегда выглядело высокоморальным. Нужно понимать: была война.

Я посмотрел на другие тетради – все изрядно помятые, в переплетах красной, зеленой или синей кожи, уже выцветшей. Кампелло достал еще одну тетрадь и тоже полистал, что-то отыскивая.

– Я когда прочитал их, многое понял и про него, и про его тогдашних врагов. Да, вот оно... По поводу того ножа – послушайте, что он записал осенью сорок второго года.

И он прочитал вслух:

– *«Патрульные катера выследили налетчиков. Их заметили, когда они пытались пройти через первую сетку, и подводный грузоподъемник поднял одного из них на поверхность. Я стою на молу, со мной Тодд и Моксон, и я вижу, как подняли тело. Итальянец, надо положить. Мне достался его нож. И тут же, в бухте, взлетело на воздух торговое судно „Самоа Пилот“ водоизмещением восемь тысяч тонн».*

Я посмотрел на него, заинтригованный:

– Тодд... это Ройс Тодд?

– Да, он самый.

– Я читал его мемуары.

– Я тоже. – Он указал на полки с книгами на противоположной стене. – Они вон там. Я так понимаю, вы знаете, что старший лейтенант Тодд в те времена командовал группой водолазов, посланной на Гибралтар для защиты от итальянцев. Есть такая старинная колониальная поговорка: на афганского волка охотятся с афганскими собаками.

– Очень в тему, – высказался я.

– И очень свойственно англичанам. По-моему, они даже фильм сняли про эту группу, не то с Джоном Миллсом, не то с Лоуренсом Харви... С кем-то из них.

– С Харви. Называется «Невидимый враг»¹⁹. Я смотрел.

– А-а... И как? Хороший фильм?

– Средний. Изображает британцев более эффективными в бою, чем на самом деле.

Он язвительно рассмеялся:

– Отец говорил, что в этой истории с атаками итальянцев англичане никак себя не проявили.

– Меня интересует один конкретный итальянец, – отважился я. – И еще одна женщина.

– Что за итальянец вас интересует?

– Его звали Тезео Ломбардо.

Он внимательно посмотрел на меня. Потом взял у меня из рук кожаную тетрадь и поставил на место.

– Нож был не его... О нем новости пришли гораздо позже.

Он задумался. Он глядел на ряд тетрадей, а я глядел на него.

– И у него была женщина, – не унимался я.

Он медленно кивнул:

– Это понятно, что была.

Мне показалось, будто в гостиную, осветив все вокруг, ворвалось солнце.

– Елена Арбуэс?

Я заметил, как он вздрогнул. Он снова всмотрелся в меня, но теперь по-другому: внимательнее и с осторожностью. Я знал больше, чем он предполагал, и он старался понять, насколько я информирован. Много позже, когда мы уже стали доверять друг другу и перешли

---

¹⁹ «Невидимый враг. Боевые пловцы» (The Silent Enemy, 1958) – британская военная драма режиссера Уильяма Фэрчайлда по мотивам книги Commander Crabb британского журналиста Маршалла Пью, биографии английского боевого пловца Лайонела Крэбба (1909–1956), ставшего прототипом Ройса Тодда.

на «ты», Альфред Кампелло поведал мне, что, едва услышав имя Елены, он стал принимать меня всерьез.

– Да, она, – подтвердил он.

– Ваш отец был с ней знаком?

– Не только знаком; в этих тетрадах есть информация о ней. – Он полистал страницы и нашел то, что искал. – Вот здесь... Первый раз, когда он выследил ее как подозреваемую, случился в книжном магазине на Лайн-Уолл-роуд.

– Подозреваемую? – Я словно услышал сигнал тревоги. – В чем?

– Вам бы следовало прочесть эту часть дневников. – Он постучал пальцем по корешку одной из тетрадей. – Но, к сожалению, я не могу вам их предоставить... Вы должны меня понять.

– Разумеется, я вас понимаю. Могу я просмотреть их здесь?

– Вам понадобится для этого два-три дня, – сказал он, немного подумав.

– У меня есть время. Я могу поселиться в гостинице и прийти завтра, если вам это не мешает. Что скажете?

В конце концов он улыбнулся. И любезно согласился:

– Мне вполне подходит. С удовольствием приглашу вас выпить рюмочку и поболтать о моем отце и обо всем этом... Освежу свои воспоминания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.